

Юлия Арниева

САХАРНАЯ ИМПЕРИЯ

Сделка равных

Юлия Арниева

Сахарная империя.

Сделка равных

<https://litres.ru/73809414>

SelfPub; 2026

Аннотация

Лондон не прощает слабости. Я вошла в его бальные залы не как просительница, а как игрок, у которого в рукаве козыри из будущего.

Для высшего света я скандальная беглянка, для мужа — собственность, которую он намерен вернуть любой ценой. Но пока виконт Сандерс тратит остатки влияния на поиски «безумной жены», я создаю производство в трущобах Саутуорка. Мои союзники — те, кого аристократия не замечает, мое оружие — расчет, против которого бессильны титулы.

А когда победа в суде казалась предрешенной, а свобода осязаемой, один резкий поворот судьбы изменил все. Мой триумф превратился в начало совершенно другой, куда более опасной истории.

Но я не позволю разрушить то, что уже сделала. Я заставлю считаться с собой тех, кто видел во мне только вещь, и докажу, что способна диктовать свои правила.

От автора: Важно: Планируется серия (3-4 книги).

Выживание, прогрессорство и реалии начала XIX века.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	24
Глава 3	39
Глава 4	61
Глава 5	78
Глава 6	97
Глава 7	109
Глава 8	125
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Юлия Арниева

Сахарная империя.

Сделка равных

Глава 1

Бальный зал особняка на Гросвенор-сквер встретил меня светом, музыкой и равнодушием.

Хрустальные люстры под потолком разливали мягкое, золотистое сияние. Свечи горели в канделябрах вдоль стен, отражаясь в зеркалах и множа пространство до бесконечности. Паркет блестел так, что в нём можно было разглядеть собственное отражение. Тяжёлые портьеры из малинового бархата обрамляли высокие окна, за которыми темнела ночь. Воздух был пропитан запахами: дорогие духи, воск, табачный дым, горячее вино.

Гости разбились на группы. У дальней стены мужчины в тёмных фраках толпились вокруг карточного стола, где шла партия в вист. Ставки, судя по напряжённым лицам, были серьёзные. Ближе к камину расположились дамы — шелест шёлка, веера, смех, похожий на перезвон колокольчиков. Кто-то обсуждал моды, кто-то сплетничал, прикрывая рот кружевным платком. В углу у окна группа джентльменов

вела оживлённую беседу, жестикулируя сигарами. Политика, вероятно, или очередной скандал в Парламенте.

Меня объявили. Дворецкий, стоявший у входа, произнёс моё имя — леди Катрин Сандерс — ровным, безразличным голосом, будто я была сотой гостьей за вечер. Граф Бентли, вошедший следом за мной, обменялся короткими приветствиями с хозяйкой дома и тут же растворился в толпе, направившись к карточному столу. Несколько голов повернулось в мою сторону. Оценивающие, холодные взгляды скользнули по мне. Кто-то кивнул из вежливости. Кто-то поднял бровь. Большинство тут же отвернулось, возвращаясь к прерванным разговорам.

Интерес угас за секунды. Я перестала существовать.

Бентли отошёл к карточному столу, где его уже ждали. Я осталась одна, стояла у колонны, сжимая в руках веер из слоновой кости, и пыталась не показать, как неудобно мне в этом зале, полном чужих людей.

Вокруг меня образовался вакуум. Невидимая стена, сквозь которую не проникал ни один звук, ни один взгляд. Люди проходили мимо, не замечая меня. Дамы, проплывавшие в своих воздушных платьях, отводили глаза, будто я была статуей или частью декора. Джентльмены, случайно встретившись со мной взглядом, тут же переводили его на что-то более интересное: на люстру, на окно, на собственные ботинки.

Социальная изоляция: демонстративная, холодная и без-

жалостная.

Я знала почему. Слухи. Колин успел распространить своё видение событий: безумная жена, бросившая любящего супруга. И теперь высший свет смотрел на меня с осторожностью, как на прокажённую, которая может заразить одним прикосновением.

Медленно выдохнув, я отошла чуть глубже к колонне, прислонилась к холодному мрамору спиной. Пальцы сжали веер сильнее, до боли. Дышать, просто дышать, не показывать, что внутри всё сжалось в тугой ком.

В глубине зала за карточным столом, сидел Бентли. Он не смотрел в мою сторону, разглядывал карты в руке, небрежно бросал фишку на зелёное сукно, переговаривался с партнёрами. Он привёл меня сюда, вовсе не ради светской беседы. Всё это — часть жестокой, но необходимой стратегии.

Мыслями я вернулась на три дня назад, в полумрак кабинета графа.

«Колин подал прошение о признании вас недееспособной, — сухо сообщил тогда лорд Бентли, откладывая газету. — Единственный способ это отбить — показать свету, что ваш ум острее, чем у них всех вместе взятых».

У меня тогда внутри всё оборвалось. Сумасшедший не может быть истцом — это был главный юридический трюк, козырь в рукаве моего мужа. Если меня признают невменяемой, судебный процесс автоматически прекратится. Безумная женщина не имеет правовой дееспособности: она не мо-

жет требовать развода, не может распоряжаться деньгами. Она переходит под полную опеку мужа или отправляется в Бедлам. И даже показания доктора Морриса тогда не будут рассматриваться по существу, потому что самого дела попросту не будет.

Поэтому я стояла здесь, выпрямив спину, и улыбалась пустоте. Я должна была доказать, что нормальна для этого безумного мира.

Музыка играла тихо: виолончель, клавесин, скрипка. Мелодия плыла под потолком, мягкая, обволакивающая, усыпляющая. Я закрыла глаза на секунду, собираясь с мыслями.

Вдруг рядом раздался женский, сладкий голос, с ядовитой ноткой:

— Леди Сандерс, не так ли?

Я открыла глаза. Передо мной стояла женщина лет сорока, лицо приятное, улыбка широкая. Но глаза холодные, оценивающие, как у торговца, прикидывающего стоимость товара.

— Вы не ошиблись, — ответила я ровно.

— Какая... очаровательная скромность. Я и забыла, как... *пасторально* одеваются в Кенте. Должно быть, вести о парижских модах доходят до вашей глуши с большим опозданием?

Подколка была классической: указать мне место деревенщины, которая не умеет одеваться к столу.

— Вести доходят исправно, — я улыбнулась одними уголками губ, спокойно расправляя перчатки. — Просто в Кенте

у нас есть время развивать вкус, а не слепо копировать картинки из журналов.

Она удивленно моргнула, не ожидая отпора.

— Вы находите столичную моду безвкусной? — фыркнула она.

— Я нахожу её... *шумной*, — мягко поправила я, многозначительно глядя на её причёску с перьями и обилие кружев. — В Лондоне дамы так стараются привлечь к себе внимание блеском и перьями, возможно боятся, что без этой мишуры их сочтут пустым местом. Я же предпочитаю, чтобы собеседник слушал меня, а не разглядывал мои оборки.

Её веер замер. Назвать её «пустышкой в перьях», не сказав ни одного грубого слова — это был шах и мат.

Улыбка на её лице дрогнула. Где-то справа донёсся приглушённый смешок. Я краем глаза заметила, как несколько мужчин, стоявших неподалёку, переглянулись. Один из них пожилой джентльмен с седыми бакенбардами хмыкнул, покачав головой.

— Хм... как интересно, — выдавила она натянуто. — Что ж, желаю вам приятного вечера, леди Сандерс.

Развернувшись на каблуках, она направилась прочь, к группе дам у камина.

Мелькнула мысль, что с таким ядом на языке я здесь точно ни с кем не подружусь. Впрочем, такой цели лорд Бентли передо мной и не ставил. Ему не нужна была моя популярность, ему нужна была публичная демонстрация ясности

рассудка. Я должна была показать, что мой ум остер, как бритва, и уж точно не нуждается в смирительной рубашке Бедлама.

Однако стоять истуканом было нельзя. Адреналин схлынул, оставив после себя предательскую слабость, и мне срочно требовалось движение. Я отлепилась от спасительной колонны и направилась к буфетному столу у дальней стены.

Он ломился от угощений: пирамиды из оранжерейных фруктов, серебряные блюда с ломтиками омара на льду, фарфоровые вазы с засахаренными фиалками. Лакеи сновали туда-сюда, бесшумно разливая напитки.

Пальцы сомкнулись на ножке бокала с чем-то прозрачным. Я сделала маленький глоток, пузырьки защекотали нёбо, но вкуса я почти не почувствовала.

Впрочем, пить и не хотелось. Я просто продолжала сжимать холодную ножку, чтобы занять руки и создать видимость дела. Так я чувствовала себя увереннее, точно выставила перед собой маленький стеклянный щит.

Я замерла у буфета, разглядывая игру света в бокале, и для окружающих стала почти невидимой.

— ... цены на зерно взлетели, это катастрофа...

— ... слышали? Герцог Девонширский проиграл десять тысяч за одну ночь...

— ... она носит это чудовищное платье, наверное, хочет спугнуть всех поклонников...

Голоса сливались в монотонный гул. Я скользила рассеян-

ным взглядом по толпе, пока один громкий и злой голос, не привыкший сдерживаться, грубо не прорезал этот светский щебет:

— Да проклятье! Каждая партия — убыток! Бочки текут, мясо гниёт за две недели, матросы бунтуют!

Я медленно повернула голову.

У высокого окна, отгородившись от танцующих плотной стеной мужских спин, шёл совсем другой разговор. Их было четверо. Центром этой маленькой вселенной был грузный старик в мундире адмирала. Его лицо, обветренное до цвета дублёной кожи, казалось чужеродным среди бледных светских масок, а золотые эполеты потускнели от морской соли.

Напротив него, суетливо вытирая платком лысину, сжался тощий господин в чёрном — типичный чиновник, чья душа покрыта чернильными пятнами. Рядом, прислонившись к откосу окна, с циничной ухмылкой пускал кольца дыма молодой денди лет тридцати.

— Интендантство делает всё возможное, милорд! — блял тощий, и его голос срывался на визг. — Но климат... жара в трюмах... Бочки рассыхаются, рассол вытекает...

— Жара?! — взревел адмирал так, что хрусталь в моей руке отозвался тонким звоном. Несколько дам испуганно обернулись, но тут же сделали вид, что ничего не слышат. — В аду тоже жарко, сэ, но черти там от цинги недохнут!

Старик навис над чиновником, как флагман над рыбацкой лодкой.

— Жара была и при Нельсоне! И флот стоял! А у меня сейчас половина экипажа плюется зубами за борт! Люди не могут вязать узлы, потому что у них руки трясутся от слабости! Ещё месяц такой кормёжки и у меня на палубе будет не команда, а кладбище!

Молодой человек у окна лениво стряхнул пепел с сигары прямо на наборный паркет.

— А вы попробуйте кормить их свежим мясом, адмирал, а не той падалью, что поставляет Казначейство, — бросил он с ленцой столичного фата. — Или жизни матросов нынче не вписываются в бюджет?

— Свежее мясо?! — Адмирал побагровел, и я испугалась, что его хватит удар прямо здесь, среди ваз с цветами. — Свежее мясо протухнет в море за три дня! Вы хоть раз выходили дальше Портсмута, щенок? Или думаете, мы можем пасти коров на шканцах?

Молодой лишь пожал плечами, пряча насмешку в облаке табачного дыма.

— Понимаю, что флот Его Величества воюет с французами на гнилой солонине. Впечатляюще.

Интендант побледнел, сжав стакан так, что костяшки побелели.

— Мы делаем всё, что можем...

— Всё, что можете? — Адмирал развернулся к нему, и голос его стал тише, но от этого не менее яростным. — Будь у меня способ сохранить мясо на полгода, я бы отдал половину

жалованья! Но такого способа нет!

Повисла тяжёлая, звенящая тишина. Молодой с сигарой хмыкнул, наслаждаясь унижением чиновника. Интендант, казалось, пытался раствориться в своем виски.

Я стояла в двух шагах, судорожно сжимая веер. Сердце колотилось где-то в горле. Разум лихорадочно просчитывал варианты. Вмешаться — значит нарушить все мыслимые правила этикета. Леди не говорят о гнилом мясе. Леди не встречаются в беседу мужчин. Леди вообще не должны *понимать*, о чём речь.

Но это был шанс, возможно, единственный за весь вечер не закончить его в сумасшедшем доме.

— Способ есть, милорд, — произнесла я вполголоса, будто размышляя вслух.

Эффект был подобен взрыву, все четверо резко обернулись.

Адмирал вперился в меня тяжёлым, недоумевающим, почти возмущённым взглядом. Интендант опешил, приоткрыв рот, будто рыба, выброшенная на берег. Молодой с сигарой вскинул бровь, и его губы растянулись в глумливой усмешке. Лишь четвёртый — тот, что молчал в тени, — скрестил руки на груди, разглядывая меня с холодным, анатомическим любопытством.

— Простите, миледи, — проговорил адмирал с деланной учтивостью, — вы... вы что-то сказали?

— Я сказала, что способ есть, — повторила я, глядя ему

прямо в глаза и не позволяя голосу дрогнуть. — Способ сохранить мясо, овощи и даже бульон пригодными в пищу на полгода.

Молодой демонстративно расхохотался, а пепел с его сигары снова полетел на паркет.

— Прелестно! Женщина решила нас просветить? — бросил он, обращаясь к приятелям, но глядя на меня. — Мадам, возвращайтесь к вышиванию. Откуда вам знать про корабельный провиант? Вы хоть раз вдыхали амбре трюма?

Я медленно повернула голову к нему, мой взгляд скользнул по его дорогому жилету.

— Нет, сэр. В трюмах я не бывала. Зато я провела немало времени над записями человека, который посвятил жизнь химии питания. И я умею читать немецкий шрифт.

Смешок застрял у него в горле. Интендант выпучил глаза. Адмирал, который уже собирался отвернуться, замер.

— Записи? — переспросил он, и в его голосе прорезался хищный интерес. — Чьи записи?

Я сделала глубокий вдох. Сейчас или никогда. Ложь должна быть детальной, чтобы в неё поверили.

— Несколько лет назад на рынке мне в руки попал архив покойного химика Иоганна Мюллера из Гёттингена. Имя вам ничего не скажет, он умер в нищете, его труды никто не купил. Слишком много шифров, слишком сложная терминология, но я знаю язык и потратила немало времени на расшифровку.

Адмирал сделал шаг ко мне, вторгаясь в моё личное пространство. Теперь он смотрел на меня не как на даму, а как на карту перед боем.

— И что вы там нашли? Рецепт квашеной капусты?

— Я нашла отчёты для прусской армии времён Семилетней войны, — отчеканила я. — В записях есть рапорты полковника фон Клейста. Они подтверждают: говядина, обработанная по методу Мюллера, оставалась съедобной спустя восемь месяцев походной жизни.

Тишина стала абсолютной. Молодой с сигарой перестал ухмыляться. Интендант залпом допил виски, как лекарство.

— Восемь месяцев? — тихо повторил адмирал, в его глазах вспыхнул огонёк недоверия пополам с надеждой.

— Именно, милорд. Весь секрет в тепловом балансе. Проблема не в том, чтобы *высушить* продукт. Проблема в том, как это сделать.

Я обвела взглядом мужчин, чувствуя, как захватываю их внимание.

— Если сушить слишком медленно, начинается гниение внутри волокон. Если слишком быстро или горячо, мясо превращается в подошву, теряя вкус и пользу. Мюллер вычислил «золотое сечение» температур.

— Температур? — Адмирал нахмурился, его кустистые брови сошлись на переносице. — И чем же вы, мадам, измеряете эту вашу температуру в печи? Пальцем?

— Термометром, милорд, — ответила я ледяным тоном,

давая понять, что сарказм здесь неуместен. — Инструмент навигационный, и, полагаю, на флоте известный.

Я выдержала паузу и добила:

— Шкала Фаренгейта, разумеется. Капуста требует ровно сто сорок градусов в течение двадцати часов. Морковь — той же температуры, но уже тридцати часов. А мясо... мясо требует особой подготовки, иначе вы получите камень. Мюллер называл это «бланшированием» — кратковременный ожог кипятком перед сушкой.

— Зачем? — спросил он коротко. — Лишняя трата дров и воды. Почему не сушить сразу?

— Потому что сушёное сырое мясо превращается в камень, милорд, — ответила я, слегка понизив голос, чтобы не привлекать лишнего внимания зевак. — Ваши люди переломают о него последние зубы, а в котле оно останется жестким, как подошва сапога. Бланширование размягчает волокна. Такое мясо, брошенное в кипяток, через полчаса набухнет и становится нежным, точно его забили вчера.

Интендант недоверчиво хмыкнул, но Адмирал дёрнул щекой. Он слишком хорошо знал, что такое грызть «каменную» солонину.

— К тому же, — продолжила я, добивая их аргументами, — кипяток смывает лишний жир. Жир — это враг хранения, именно он начинает горчить первым. Уберите жир, и мясо пролежит в трюме год, не изменив вкуса.

— Год... — эхом повторил старый моряк, будто пробовал

это слово на вкус.

После чего смерил меня тяжёлым, цепким взглядом, в котором исчезла светская снисходительность. Теперь он смотрел на меня так, как смотрят на неожиданно найденное оружие: опасно, странно, но в бою может пригодиться. Он не поверил мне безоговорочно — старый волк был слишком опытен, — но он принял меня всерьёз.

Молодой с сигарой забыл стряхнуть пепел. Усмешка сползла с его лица, сменившись выражением растерянного любопытства. Он разглядывал меня так, словно привычная мебель в гостиной вдруг заговорила на латыни.

Я сделала безупречный реверанс, ровно настолько глубокий, насколько требовал этикет, и ни дюймом ниже.

— Приятного вечера, джентльмены.

Развернувшись, я заставила себя отойти к буфету медленным, плавным шагом, хотя инстинкты вопили: «Беги!». Спина оставалась прямой, как струна, но колени предательски дрожали.

Оказавшись в относительной тени у стола, я вцепилась в бокал с шампанским как в спасательный круг. Глоток, ещё один, пузырьки ударили в голову, немного притупляя звон в ушах.

«Консервацию в жести я придержу», — пронеслось в голове. Это был мой туз в рукаве, рассказать им сейчас про герметичные банки и меня поднимут на смех или украдут идею. Нет, пусть сначала переварят сушёное мясо. У меня

ещё будет время взорвать этот чопорный мирок...

Вдруг рядом со мной раздался шелест шёлка, я обернулась.

Передо мной стояла дама лет пятидесяти. Её платье сложного лилового оттенка стоило целое состояние, а в высокой причёске покачивались страусиные перья. Но главным было лицо — умное, с сеткой морщинок у смешливых глаз и властным изгибом губ.

— Леди Сандерс, если не ошибаюсь? — её голос звучал мягко, но в нём звенела сталь привычки повелевать.

— Да, мэм.

— Графиня Уэстморленд, — представилась она просто, зная, что титул говорит сам за себя.

Я присела в реверансе, склонив голову.

— Честь для меня, миледи.

— Признаться, я невольно подслушала вашу баталию с адмиралом Греем, — продолжила она, и её веер лениво коснулся плеча. — Вы с удивительной страстью рассуждали о... сушёной говядине. Скажите, этот ваш таинственный немец, герр Мюллер... в его бумагах речь шла только о грубой солдатской пайке? Или там найдется что-то для более... утончённого вкуса?

Вопрос был задан светским тоном, но глаза графини смотрели цепко. Она искала выгоду. Не для флота, для своего стола.

Я улыбнулась уголками губ.

— Наука беспристрастна, миледи. Ей всё равно, чей голод утолять — матроса или герцога. Принципы одни и те же: сохранить, скажем... персики в сиропе так, чтобы подать их к столу в феврале, будто их только что сорвали с ветки.

Брови леди Уэстморленд взлетели вверх. Персики зимой — это был символ немислимой роскоши.

— Персики в феврале? — переспросила она, и веер в её руке замер. — Звучит почти как колдовство или как очень дорогой эксперимент.

— Скорее как наука, приправленная терпением, — парировала я уклончиво. — Но есть нюансы, которые я ещё уточняю. Возможно, когда я закончу опыты, мне будет чем вас удивить.

Она помолчала, разглядывая меня с новым интересом.

— Интригующе... — Графиня чуть наклонилась ко мне, понизив голос до доверительного шепота. — Вы непременно должны заглянуть ко мне на чай, леди Сандерс. Я питаю слабость к женщинам, чьи интересы простираются дальше вышивки и чужих альковных тайн.

— Буду рада, миледи, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, хотя внутри всё ликовало.

Леди Уэстморленд наградила меня лёгкой улыбкой, кивнула и поплыла к группе дам у камина. Я проводила её взглядом, медленно, осторожно выдыхая воздух, который, казалось, застрял в лёгких.

Приглашение на чай от графини Уэстморленд. Это была

не просто светская любезность. Это была виза. Входной билет в высшее общество, который только что проштамповали у меня на глазах.

Я сделала крошечный глоток, чтобы смочить пересохшее горло, и позволила взгляду скользнуть по залу и замерла.

Чуть поодаль, у колонны, обвитой гирляндами, стояла женщина. Высокая, статная, в платье из серебристого шёлка, которое сияло в свете свечей, как рыба чешуя. Тёмные волосы уложены в сложную, скульптурную причёску, на шею нить крупного, идеального жемчуга. Её лицо было спокойным и непроницаемым, как дорогая фарфоровая маска. Она ни с кем не разговаривала. Она просто *присутствовала*, и этого было достаточно, чтобы вокруг неё образовалась почтительная пустота.

Наши взгляды встретились. Она смотрела на меня долго: секунду, две, три. В её глазах не было ни тепла, ни холода, только взвешивание, а потом она медленно, едва заметно наклонила голову.

Один кивок, без улыбки, без жестов, но у меня перехватило дыхание.

Я узнала её. Бентли описал мне её ещё три дня назад, когда готовил к этому приёму, настраивая меня, как сложный музыкальный инструмент перед концертом.

«В зале будет Эмилия Стюарт, леди Каслри, — говорил он тогда. — Вы узнаете её сразу. Она будет единственной женщиной, которая не пытается никому понравиться. Ес-

ли вы ей приглянетесь — считайте, что двери Лондона открыты».

И она заметила меня, дала добро.

Сердце ухнуло куда-то вниз, а потом забилось с удвоенной силой. Пальцы сжали ножку бокала так, что костяшки побелели, но я удержала лицо. Не отвела глаз, просто кивнула в ответ с тем же достоинством, с той же ледяной вежливостью.

Леди Каслри развернулась и, не оглядываясь, растворилась в толпе.

Я с шумом выдохнула и отставила бокал на поднос. Прислонилась бедром к буфетному столу, чувствуя, как ноги становятся ватными. Накатила волна облегчения, смешанного со свинцовой усталостью.

Экзамен сдан.

Я поискала глазами Бентли. Он уже покинул ломберный стол и теперь стоял у входа в галерею, небрежно опираясь плечом о косяк. На лице маска светской скуки, но я знала: за этим ленивым спокойствием скрывалось торжество. Он чуть приподнял свой бокал с вином — жест, понятный только нам двоим.

Салют, партнер.

Я едва заметно склонила голову в ответ.

Больше мне здесь делать было нечего. Я вышла на сцену, отыграла свою партию, доказала, что не являюсь безумной фурией, и даже сорвала аплодисменты. Остаться дальше значило искушать судьбу. Один неверный шаг, одно неосто-

рожное слово на фоне усталости — и хрупкая победа рассыплется в прах.

Уходить надо на пике.

Поймав взгляд лакея, я тихо попросила найти мне наёмный экипаж. Он поклонился и бесшумно исчез. Я направилась к выходу, несколько голов повернулось в мою сторону, их взгляды были уже не пустыми, а любопытными, но никто меня не окликнул.

В прихожей было прохладно. Лакей накинул мне на плечи шаль, и я зябко поёжилась, прощаясь с душным теплом бального зала.

У крыльца уже ждала тёмная карета. Лошади фыркали, выпуская пар в сырой ночной воздух. На брусчатке блестели чёрные лужи от недавнего дождя.

Я спустилась по ступеням, придерживая подол, и нырнула в тёмное нутро экипажа. Дверца хлопнула, отрезая меня от музыки и света. Карета качнулась и с грохотом тронулась.

Я откинулась на жёсткое, пахнущее старой кожей сиденье и закрыла глаза. Тишина, только ритмичный цокот копыт по булыжникам, скрип рессор да шум далёких голосов за окном.

«Одна битва», — подумала я, глядя, как за окном проплывают тусклые фонари Лондона.

Адмирал заинтригован технологией. Леди Каслри признала моё существование. Леди Уэстморленд позвала на чай. Это великолепно, но это лишь разминка. Я села за этот стол

не ради вежливых улыбок. Я собиралась сорвать банк.

Глава 2

Третье утро после приема началось так же, как и два предыдущих: с липкой, тягучей тревогой ожидания, которая грызла изнутри, не давая покоя даже во сне.

Я открыла глаза рано. За окном, захлебываясь от восторга, свистела какая-то пичуга, совершенно не к месту в моем мрачном настроении. Майское солнце уже било в щели штор, разрезая полумрак комнаты пыльными золотыми полосами.

Я сбросила одеяло, поежившись от утренней прохлады. Накинув шаль на плечи, я подошла к окну и резким движением раздвинула портьеры. Яркий свет ударил в глаза, заставив зажмуриться. Внизу на мостовой, уже кипела жизнь, шумная и безразличная. Лондон проснулся: грохот колес по булыжникам смешивался с криками разносчиков и запахом угольной гари.

В гостиной было чуть теплее благодаря стараниям Мэри, огонь в камине уже весело потрескивал, пытаясь разогнать сырость старого дома. На столе меня ждал завтрак, такой же унылый, как и мои мысли: остывающая овсянка, ломтик вчерашнего хлеба и чайник.

— Доброе утро, госпожа. — Проговорила Мэри, наливая мне в кружку чай, — посыльный был. Еще затемно, до молочника. Сунул записку в руку, буркнул, что ответа не надо,

и был таков.

— Где она?

Мэри, торопливо пошарив в кармане передника, вытащила сложенный вчетверо лист. Бумага была плотной и дорогой. Я развернула лист. Почерк был под стать бумаге: крупный, размашистый, уверенный. Почерк человека, который привык отдавать приказы, а не писать любовные послания. Всего одна строка, без вежливых обращений и подписи:

«Буду у вас в три часа пополудни. Бентли».

Я перечитала записку дважды, медленно складывая её обратно. Не «прошу разрешения навестить вас». Не «надеюсь, вам будет удобно принять меня». Просто констатация факта, не терпящая возражений. Он придёт, потому что решил прийти, и моё мнение по этому поводу его не интересует.

Но граф не из тех, кто заглядывает на чай ради светской беседы о погоде и театральных премьерах. Если он тратит время на дорогу в Блумсбери, а это полчаса пути от Гросвенор-сквер, значит, есть причина.

Хорошая или плохая — вот в чём вопрос.

Остаток времени прошел в лихорадочных попытках придать гостиной жилой вид. Мы с Мэри метались по комнате: смахивали пыль, поправляли выцветшие шторы, двигали кресла, пытаясь прикрыть пятна на ковре. Старый дом сопротивлялся, выставляя напоказ свои шрамы, но мы не сдавались.

Ровно в три часа пополудни раздался стук в дверь. Я

выпрямилась, расправила складки платья, сделала глубокий вдох. Мэри выскочила из кухни, вытирая руки о передник, бросилась в прихожую. Я слышала, как скрипнул засов, как распахнулась дверь.

— Лорд Бентли, — произнёс низкий мужской голос, спокойный, не нуждающийся в представлениях.

— П-прошу, милорд, — пролепетала Мэри.

Через мгновение в коридоре раздались тяжёлые шаги, дверь распахнулась, и на пороге возник граф.

Его появление в моей убогой гостиной выглядело почти гротескно. Безукоризненный чёрный сюртук из тончайшего сукна и белоснежный шейный платок, повязанный с небрежной элегантностью, казались насмешкой над окружающей нищетой. Вместе с ним в комнату ворвался запах дорогого табака и свежего ветра, мгновенно перебивший затхлый дух старого дома.

За его спиной маячила бледная как мел Мэри, прижимая руки к груди.

Бентли шагнул внутрь, и пространство гостиной мгновенно сжалось. Он огляделся — медленно, методично, с безжалостностью оценщика, которому пытаются продать подделку. Его взгляд не просто скользил по предметам, он вскрывал каждый изъян: выцветший бархат штор, предательскую трещину на потолке, пятно на ковре, которое я тщетно пыталась прикрыть креслом. Лицо графа осталось бесстрастным, но я заметила, как едва уловимо дрогнул уголок его рта. Брезг-

ливость? Или жалость? И то и другое было одинаково уни-
зительно.

— Вот здесь вы принимаете гостей? — осведомился он
наконец. В его голосе звучало искреннее недоумение, слов-
но он не мог поверить, что разумный человек способен су-
ществовать в таких условиях.

Я выпрямилась, вздернув подбородок:

— Здесь я живу, милорд. А гостей пока не принимала. —
Мэри, чай, — бросила я через плечо, стараясь, чтобы голос
не дрогнул.

Служанка кивнула и выскользнула за дверь, будто спаса-
ясь от пожара.

Бентли прошел к камину и осторожно, словно боясь ис-
пачкаться, опустился в кресло. Перчатки он снимать не стал.
Этот жест кольнул меня сильнее любых слов.

Закинув ногу на ногу, он перевел взгляд на меня. Теперь
объектом оценки стала я сама: простое муслиновое платье,
гладкая прическа, дешевая камея на груди.

— Вы не можете здесь оставаться, леди Сандерс, — про-
изнёс он ровно, без предисловий.

Я села напротив, на жесткий диван, чувствуя себя школь-
ницей, которую отчитывает строгий директор.

— Это не выбор, милорд, это необходимость, — париро-
вала я, глядя ему в глаза. — Вы забываете моё положение.
Я беглая жена. По закону я пустое место. У меня нет прав
ни на имущество, ни на деньги, ни даже на собственное имя.

Любой пенни в этом доме Колин может объявить украденным у него, и суд будет на его стороне.

Бентли слушал молча, постукивая пальцами по подлокотнику кресла.

— Я могу ссудить вам сумму на аренду приличного дома, — предложил он ровно, словно обсуждал покупку лошади. — В Сент-Джеймсе или Мэйфэре. Вы вернёте долг, когда выиграете дело.

Я качнула головой, не раздумывая ни секунды.

— Рано или поздно люди узнают, кто мой благодетель, и пойдут слухи. Беглая жена виконта Сандерса, живущая на средства графа Бентли. Как быстро меня назовут вашей любовницей? Неделя? Две? Эти слухи нам сейчас не нужны, милорд. Они уничтожат мою репутацию быстрее, чем объявления Колина в газетах.

Бентли замолчал, внимательно разглядывая меня, затем коротко кивнул.

— Разумно. Вы видите поле боя целиком, а не только фигуры перед носом.

В этот момент вошла Мэри. Она поставила поднос на стол, звякнув фарфором, расставила чашки и молча вышла, плотно прикрыв за собой дверь.

Я разлила чай. Бентли принял чашку, но даже не поднес к губам — держал её на весу, продолжая изучать меня поверх поднимающегося пара. Я же сделала глоток — горячая, крепкая заварка обожгла горло, возвращая силы.

— Зачем вы приехали, милорд? — спросила я, опуская чашку.

Граф вернул свой чай на блюдце нетронутым. Затем полез во внутренний карман сюртука и небрежно бросил на столик между нами увесистую пачку конвертов, перевязанную голубой лентой. Узел не выдержал удара, лента ослабла, и письма веером рассыпались по полированной столешнице.

Их было много. Десять, двенадцать, может, больше. Плотная бумага: кремовая, белая, голубоватая. Сургучные печати в основном алые, темно-бордовые, одна цвета старого вина. В спертom воздухе гостиной тотчас поплыл едва уловимый, чужеродный здесь аромат дорогих духов и сургуча.

— Что это?

— Приглашения, — отозвался он равнодушно, откидываясь в кресле. — Поскольку никто не знает, где вы живете, хозяйка вечера указала мой адрес для всей вашей корреспонденции.

Я взяла один конверт. Тяжелый, почти картонный, с гербовой печатью, которую я не узнала. Отложила, взяла другой.

— Так много?

— Вы их заинтриговали, — в голосе Бентли проскользнула ирония. — Женщина, рассуждающая о температурах сушки и прусской химии — редкий зверь в наших гостиных. Вы для них экзотика, леди Сандерс. Диковинка, которую хочется рассмотреть поближе.

Он выдержал паузу, и взгляд его стал жестче.

— Пока что.

— А потом? — С усмешкой спросила я, уже зная ответ.

— А потом либо вы докажете, что чего-то стоите, либо вас забудут на следующий же день. Лондон жесток к тем, кто не оправдывает ожиданий.

Слова были жестокими, но честными. Я молча кивнула, принимая правила игры.

— Вы их просмотрели?

— Разумеется, — ответил он с таким спокойствием, словно это входило в его прямые обязанности. — И отложил те, на которые вам стоит ответить в первую очередь.

Он наклонился вперёд, перебрал конверты длинными пальцами и выбрал три. Положил их передо мной отдельной стопкой.

— Леди Уэстморленд. Графиня Лидсфорд. И леди Уилск... она кстати недавно получила в наследство небольшой дом на Кинг-стрит, близ Сент-Джеймс-сквер. От покойной тётушки, скончавшейся минувшей зимой. Насколько мне известно, планирует его продать, но слуг ещё не распустила.

Он ненадолго замолчал, позволяя мне осмыслить сказанное.

— Леди Уилск обожает драму. Она коллекционирует чужие несчастья так же страстно, как другие фарфоровых кукол. И, к слову, она главная сплетница Лондона. Если вы пра-

вильно подадите ей свою историю: гонимая жена, жестокий муж, необходимость скрываться в... — он брезгливо обвел перчаткой мою гостиную, — ...в этих трущобах Блумсбери, она растрогается до слёз. И предложит вам временно занять дом тётушки. Из чистого сострадания, разумеется.

Я смотрела на него, медленно осознавая изящество этой схемы.

— А заодно разнесёт по всему Лондону историю о том, какая я несчастная жертва обстоятельств.

— Именно, — подтвердил он с холодной усмешкой. — Вы получите приличный адрес на Кинг-стрит, меблированный дом, штат слуг и при этом ваша репутация не только не пострадает, но и укрепится. Вы станете объектом сочувствия, а ваш супруг станет объектом презрения.

Я откинулась на спинку дивана, обдумывая план. Он был хорош, даже гениален. Он решал сразу несколько проблем: давал мне приличное жильё, укреплял мою позицию в обществе и одновременно подрывал репутацию Колина.

— Я последую вашему совету, милорд, — произнесла я спокойно.

Бентли кивнул, словно этого и ожидал. И снова полез в карман, достал ещё несколько сложенных листов, протянул мне через столик.

— Ещё кое-что.

Я взяла письма, развернула первое. Почерк был неровным, чернила местами смазаны, словно писавший торопил-

ся.

«Милорд! Адмирал требует от меня результатов в кратчайшие сроки. Прошу вас связать меня с леди Сандерс немедленно. С глубоким уважением, главный интендант Адмиралтейства, сэр Уильям Бейтс».

Я перечитала письмо дважды, потом подняла глаза на Бентли.

— Адмирал всё же заинтересовался?

— Заинтересовался — слабо сказано, — отозвался Бентли, и в голосе его прозвучала холодная удовлетворённость. — Он потребовал от интенданта предоставить решение проблемы снабжения немедленно. Если сэр Бейтс не предоставит результат, он лишится своей должности. А главный интендант Адмиралтейства, леди Сандерс, это не просто титул. Это влияние, связи, доступ к казне. Потерять такую должность — значит потерять всё.

Он наклонился ближе, и серые глаза его стали острыми, как лезвие ножа.

— От вашей помощи буквально зависит его карьера. Он отчаянно нуждается в вас, а отчаянные люди, как известно, готовы на всё.

Он выдержал паузу, позволяя словам осесть.

— Война — прибыльное дело, леди Сандерс. Контракты с Адмиралтейством приносят состояния. Те, кто снабжает флот, богатеют за несколько лет. Интендант это знает, он готов платить. Много платить, лишь бы спасти свою шкуру.

Я смотрела на него, чувствуя, как внутри разгорается азарт, смешанный с осторожностью.

— Что вы предлагаете?

— Не сдерживайте себя, — произнёс он жёстко. — Торгуйтесь. Требуйте долю от каждого фунта сушёных овощей, поставленных на флот. Требуйте гарантий в письменном виде, заверенных печатью Адмиралтейства. И не раскрывайте метод полностью, пока не получите всё, что вам нужно.

Он откинулся на спинку кресла, скрестив руки на груди.

— Надеюсь, вы знаете, о чём говорили на приёме?

— Разумеется, знаю.

— Тогда действуйте. Встретьтесь с интендантом, обсудите детали. Но помните: как только вы раскроете метод полностью, вы потеряете рычаг давления. Давайте информацию порциями, пусть они зависят от вас, а не вы от них.

Я аккуратно сложила письма в стопку, выравнивая края.

— Благодарю за совет, милорд.

Бентли поднялся и направился к выходу. Я встала следом, намереваясь проводить его, но у самого порога он вдруг замер и резко обернулся.

— Ещё одно, леди Сандерс. Завтра к вам придёт человек. Рекомендации безупречные, вид внушительный. Официально он займет должность вашего лакея, но его настоящая задача — ваша тень.

Я хотела возразить, но он перебил жестким, нетерпящим возражений тоном:

— Будь я на месте вашего мужа, я бы пустил все средства, чтобы найти вас. И сделал бы так, чтобы вы замолчали навсегда. Вы слишком опасны для него, а мертвые, как известно, исков не подают.

— Благодарю за... предусмотрительность, — отозвалась я, стараясь, чтобы сарказм не звучал слишком явно.

Разумеется, я все поняла. Телохраниитель — это щит. Но щит, который смотрит внутрь. Этот «лакей» будет докладывать Бентли о каждом моем вздохе, о каждом посетителе. Я получала охрану в комплекте с надзирателем, но выбора действительно у меня не было.

Бентли чуть прищурился, явно считав мои мысли, и кивнул, принимая вынужденное согласие.

— И последнее. На следующей неделе леди Джерси дает свой знаменитый весенний бал. Там соберутся все законодатели мод. Приглашение вам доставят. Быть там обязательно. Свет — это ярмарка, леди Сандерс. Нельзя продать товар, спрятанный под прилавком. Вы сейчас главная сенсация сезона, и этот интерес нужно обратить в звонкую монету, пока он не остыл.

Его взгляд снова скользнул по мне, в серых глазах мелькнуло откровенное неодобрение.

— С учетом обстоятельств, я настаиваю на ссуде. Лондон не прощает промахов, а леди Джерси тем более. Появиться на её балу в платье, которое свет уже видел на прошлой неделе — это не просто дурной тон. Это личное оскорбление, ко-

торое вам не простят.

— Я ценю ваше предложение, милорд, но мой гардероб — это моя забота, — отчеканила я, глядя ему прямо в глаза.
— Пока я справляюсь сама.

Бентли коротко, без веселья усмехнулся, словно оценил упрямство зверька, попавшего в капкан.

— Как пожелаете. Гордость — дорогое удовольствие, леди Сандерс. Надеюсь, она вам по карману.

Он вышел. Я слышала, как Мэри семенит за ним в прихожую, как щелкнул замок, и тяжелые шаги стихли на мостовой.

Тишина навалилась мгновенно. Я смотрела на пачку конвертов, оставленную графом. Разноцветные прямоугольники на темном дереве стола казались разложенным пасьянсом. Каждый был шансом или ловушкой.

В комнату вернулась Мэри. Она с ужасом обвела взглядом нашу гостиную, будто слова Бентли сняли с её глаз пелену привычки, и теперь она видела только убожество: выцветшие пятна на обоях, потертый ковер, повывавшую жизнь мебель...

— Он прав, госпожа, — прошептала она, нервно комкая передник. — Этот дом... Сюда нельзя звать знатных дам. Если кто-то вроде леди Уилск увидит эту обстановку...

Она запнулась, не смея произнести вслух то, что мы обе понимали.

— Знаю. Поэтому мы должны действовать быстро. Как

только получу ответ от леди Уилск, нанесу ей визит.

Служанка судорожно выдохнула, цепляясь за эту мысль, и поспешила на кухню.

Оставшись одна, я огляделась. Солнце било в стекло с безжалостной яркостью. Вместо того чтобы радовать, этот свет только раздражал — он выворачивал наизнанку всю убогость моего убежища. В полумраке комната казалась просто старой, а сейчас, под прямыми лучами, она выглядела жалкой. Каждая царапина на мебели, каждое пятно на ковре буквально кричали о том, что здесь живут неудачники.

А Лондон за окном жил по закону джунглей: слабых здесь не жалеют — их добивают. Моя демонстративная бедность никого не разжалобит. Наоборот, она станет сигналом для атаки. Хищники вроде леди Уилск чувят уязвимость за милю.

Если я хочу выжить, мне придется надеть броню. И эта броня должна сиять так, чтобы ни у кого не возникло желания проверить её на прочность.

Я перевела взгляд на стол. Среди пестрой кучи конвертов один выделялся сразу, и я первым вытянула его из стопки.

Тяжелая, гладкая бумага цвета слоновой кости. Альый сургуч с вензелем «W&H» — яркий, как капля свежей крови. Даже пахло от него иначе: лавандой и дорогими духами. Так пахнут деньги.

Я поддела печать ногтем. Воск сухо хрустнул. Внутри лежал лист, исписанный размашистым, уверенным почерком. Лиловые чернила — каприз женщины, которая привыкла,

что мир вращается вокруг неё.

«Дорогая леди Сандерс,

Я присутствовала на приёме у леди Лидсфорд и была бесконечно заинтригована вашей беседой с адмиралом Греем. Редко встретишь даму, чьи интересы простираются за пределы вышивки и пустых сплетен.

Мне бы хотелось познакомиться с вами лично в более спокойной обстановке. Не соблаговолите ли вы посетить меня в среду, к четырём часам пополудни, на чай? Я живу на Харли-стрит, дом номер двенадцать, недалеко от Кавендиш-сквер.

С искренним уважением и надеждой на скорую встречу,

Элеонора Уилск».

Я перечитала письмо медленно, обдумывая каждое слово, каждую фразу. Среда. Послезавтра. Время есть. Достаточно, чтобы подготовиться.

Не теряя времени, я придвинула к себе чернильницу.

Как ответить? Слишком тепло — сочтет заискиванием. Слишком холодно — высокомерием. Нужна золотая середина: достоинство, но без гордыни.

Перо заскрипело по бумаге, выводя ровные строки:

«Дорогая леди Уилск,

Благодарю вас за столь любезное приглашение. Буду рада принять ваше гостеприимство в среду, к четырём часам пополудни. С нетерпением ожидаю нашей встречи.

С глубоким уважением,

Катрин Сандерс».

Коротко и сдержанно. Именно то, что нужно.

Я посыпала письмо песком, чтобы чернила высохли, потом аккуратно сложила лист, капнула воском и прижала его монетой. Печати у меня не было, но это не имело значения. Леди Уилск поймёт: у беглой жены нет фамильного герба.

Отложив ответ, я потянулась к следующему конверту.

Он отличался от первого. Бумага была плотнее, с тиснением, и пахло от неё иначе. Не сладкими будуарными духами, а чем-то строгим и терпким — вербеной и сандалом.

Я взломала печать.

«Дорогая леди Сандерс,

Ваше выступление на приёме у леди Лидсфорд было поистине незаурядным. Редко встретишь женщину, способную поддержать столь интеллектуальную беседу...»

Глава 3

Остаток дня я провела за столом, который нещадно скрипел при каждом моём движении. Передо мной лежала гора приглашений, пестрое море дорогой бумаги, заполнившее пространство между треснувшей чернильницей и кружкой с недопитым чаем.

Я вскрывала их одно за другим, и по комнате разносился коктейль ароматов: мускус, фиалка, тяжелые восточные масла. Каждое письмо было верхом изящества, и каждое исходило одно и то же — липкое, жадное любопытство. Они не звали меня как равную. Они звали меня как редкую бабочку, которую хочется приколоть булавкой к бархатной подложке и рассматривать под лупой, потягивая херес.

Бентли был прав. Я сейчас для высшего света Лондона неведомая зверушка, диковинка, которую хочется рассмотреть, пощупать, обсудить за ужином. А также лорд был прав и в том, что этот дом не подходит для ответных визитов. Если хоть одна из этих дам увидит облупившиеся обои, потёртый ковёр, трещину на потолке их сочувствие мгновенно сменится презрением, а презрение в их мире — смертный приговор.

Но он ошибался в методах. Его схема с леди Уилск казалась мне не просто унижительной, а стратегически неверной. Стать «игрушкой» главной сплетницы Лондона? Жить

в её доме из милости, под вечным прицелом её оценивающего взгляда? Сегодня она дает тебе кров, а завтра, если ты наскучишь ей или не оправдаешь ожиданий, выставит за дверь, предварительно облив помоями в каждом салоне.

Нет, благотворительность мне не нужна. В этом мире уважают только два типа силы: древнюю кровь и звонкое золото. Раз крови Катрин Сандерс было недостаточно, чтобы защитить её от побоев мужа, значит, я поставлю на золото.

Стопка приглашений отправилась в сторону. Я придвинула к себе чистый лист и обмакнула перо в чернильницу:

«Сэр Уильям Бейтс,

Благодарю вас за интерес к моему методу. Предлагаю встретиться завтра, в десять часов утра, в конторе моего поверенного, мистера Томаса Финча. Адрес: Докторс-Коммонс, дом 14, второй этаж.

Обсудим детали возможного сотрудничества.

С уважением,

леди Катрин Сандерс».

Второе письмо Финчу. Перо снова закрипело по бумаге, выводя буквы быстрее и увереннее.

«Мистер Финч,

Завтра, в десять часов утра, в вашей конторе состоится встреча с сэром Уильямом Бейтсом, главным интендантом. Речь пойдёт о контракте на поставку сушёных продуктов для флота.

Прошу подготовить помещение и быть готовым к составлению договора.

Катрин Сандерс».

— Мэри! — Мой голос прозвучал в тишине дома неожиданно властно.

Она появилась мгновенно, будто подслушивала за дверью.

— Нужно отправить их сегодня же, — я протянула ей письма. — Найди надёжного посыльного. Не мальчишку с улицы, который за пенни продаст их первому встречному, а человека с жетоном почтовой службы.

— Будет сделано, госпожа, — отозвалась она, накинула шаль и быстро вышла.

Я проводила её взглядом до двери. Когда щелкнул замок, я подошла к окну. Лондон внизу гудел, как потревоженный улей. Огромный, грязный, безжалостный город, который либо пережует тебя и выплюнет в канаву, либо склонится перед твоей наглостью.

Мэри вернулась через полчаса, раскрасневшаяся от быстрой ходьбы и сырого лондонского воздуха, запыхавшаяся, но с видом триумфатора, вернувшегося с поля боя. Она буквально влетела в комнату, принося с собой запах уличной сырости.

— Нашла, госпожа! — объявила она с гордостью, стягивая шаль и комкая её в руках. — Парнишка с медным жетоном на груди, номерной, всё как положено. Стоял на углу у рынка, прямо возле мясных лавок. Божился, что надежнее

него только Банк Англии. Письма доставляет быстро, ни одного еще не растерял. Я дала ему шесть пенсов, по три за каждое. Обещал, что до полуночи обе записки будут в руках у господ.

— Молодец, Мэри. Спасибо. Иди передохни.

Когда за окном окончательно сгустились синие лондонские сумерки, Мэри накрыла на стол. Наш ужин был простым и сытным, типичным для среднего класса того времени, чьи доходы не позволяли излишеств, но требовали основательности. На фаянсовых тарелках дымился «пастуший пирог» — густое рагу из остатков вчерашней говядины, прикрытое золотистой шапкой запеченного картофельного пюре. Рядом на блюде лежали ломти свежего хлеба и пара соленых огурцов, пахнущих укропом. Венчал стол кусок сыра — островатого и крошащегося, — и небольшой кувшинчик эля, который в этом городе был куда безопаснее сырой воды.

Мы поужинали молча. Мэри сидела напротив, время от времени бросая на меня беспокойные взгляды, но не решаясь заговорить. Я доела пирог, отломив кусок хлеба, запила элем и, поблагодарив, поднялась на второй этаж.

Я легла поздно, но сон не шёл. В темноте спальни ночные звуки города казались пугающе отчетливыми: далёкий лай собак, редкий грохот одинокого экипажа по булыжникам, пьяные выкрики и чей-то надрывный, почти истеричный смех в переулке.

Мысли роились, заставляя меня раз за разом прокручи-

вать в голове каждую фразу, каждый аргумент и каждый возможный поворот завтрашнего разговора. Бейтс наверняка попытается давить авторитетом. Этот человек привык к беспрекословному подчинению, к тому, что перед ним лебезят и заискивают. Но я не собиралась быть одной из многих просительниц. Я шла предлагать спасение.

Лишь когда за окном начало светать, окрашивая небо в бледно-розовые и серые полосы, я провалилась в тяжёлое, беспокойное забытие.

Проснулась я внезапно от резкого стука в дверь. Вскочив с кровати, я первым делом выглянула в окно, осторожно раздвинув штору. На улице стоял экипаж, ничего примечательного, потёртый, с облупившейся краской на дверцах, идеально сливающийся с серостью лондонского утра. А у крыльца моего дома застыл человек. Высокий, широкоплечий, в тёмном сюртуке и шляпе с широкими полями, отбрасывающей глубокую тень на лицо.

Я быстро натянула на себя серое, домашнее платье и поспешила вниз, на ходу приглаживая волосы руками.

Когда я спустилась в холл, Мэри уже открыла дверь и замерла на пороге, разглядывая незнакомца с нескрываемым любопытством, смешанным с опаской.

Мужчина уже снял шляпу, обнажив коротко стриженные седеющие волосы. Лицо его было жёстким, обветренным до бронзового оттенка, с глубокими морщинами у глаз и рта, прожитыми линиями человека, видевшего слишком многое.

— Леди Сандерс? — голос был низким, хрипловатым, как у человека, который привык больше молчать, чем говорить.

— Да.

— Дик Дорс. Граф Бентли прислал меня вас сопровождать.

— Входите.

Он шагнул внутрь, но остался стоять в прихожей, держа шляпу в больших мозолистых руках. Спина прямая, ноги слегка расставлены — поза солдата, привыкшего в любой момент реагировать на угрозу.

Мэри метнулась на кухню, бормоча что-то о завтраке, но я её остановила, схватив за локоть:

— Не нужно, Мэри. Времени нет. Помогите мне переодеться.

Мы поспешно поднялись на второй этаж. Я выбрала платье из муслина глубокого хвойного оттенка, лишенное всякого кокетства, но безупречно сидящее по фигуре. Мэри быстро, привычными движениями уложила мне волосы в простой узел на затылке, закрепила шпильками, несколько раз уколов меня в процессе.

— Как я выгляжу? — спросила я, вглядываясь в свое отражение. Потускневшее, покрытое мутными пятнами зеркало неохотно явило мне женщину с прямой спиной и решительным взглядом.

— Как леди, госпожа, — твердо ответила Мэри. В её голосе звучало убеждение, которое я сама разделяла лишь на

половину.

Спустившись вниз, я кивнула Дику:

— Готова.

Он молча водрузил шляпу на голову, одним уверенным движением распахнул тяжелую дверь и отступил, пропуская меня вперёд.

У кэба Дик протянул мне руку, помогая забраться внутрь. Прежде чем зайти в полумрак экипажа, я задержалась на мгновение и посмотрела на него сверху вниз.

— Вы служили в армии?

Он перевёл на меня взгляд, чуть прищурившись, словно взвешивая: достоин ли вопрос ответа или это просто дамская болтовня.

— Да, мэм. Тридцать второй пехотный полк. Ирландия сначала, потом Египет.

— Давно вернулись?

— Три года назад. После Абукира, — коротко бросил он и, не дожидаясь продолжения, закрыл за мной дверцу. Разговор явно не входил в его обязанности; он был здесь, чтобы защищать, а не развлекать меня светской беседой.

Через секунду я услышала, как он забрался на козлы рядом с кучером. Экипаж качнулся, и колёса загрохотали по неровным булыжникам.

Я откинулась на спинку сиденья, глядя в окно на проплывающий мимо Лондон. Мы уже выехали из Блумсбери, миновали шумный Холборн и теперь углублялись в хитроспле-

тение узких улочек Сити, направляясь к Докторс-Коммонс.

Спустя некоторое время кэб затормозил у высокого кирпичного здания. Дик спрыгнул на мостовую прежде, чем экипаж полностью остановился. Он на мгновение замер, оценивая взглядом пустые окна напротив и проулки, и только потом распахнул дверцу, подавая мне руку.

Мы вошли в здание и прошли по тускло освещённому коридору, пахнувшему старой бумагой и сыростью. Дик шёл за мной, не отставая ни на шаг.

Едва мы подошли к нужной двери, она резко, почти с грохотом распахнулась. На пороге возник Финч, и вид у него был такой, будто он только что выбрался из эпицентра бури.

Адвокат выглядел не просто взволнованным, он был на грани паники. Редкие волосы растрёпаны, галстук съехал набок, а на лбу, несмотря на утреннюю прохладу, крупными каплями блестела испарина. Было очевидно, что последний час он провел, меряя кабинет шагами и терзая воротник.

— Леди Сандерс! Входите, входите! — он торопливо отступил вглубь, едва не споткнувшись о собственный порог. Его взгляд на мгновение зацепился за внушительную фигуру Дика, а затем испуганно вернулся ко мне. — Ваш... сопровождающий?

— Да. Он останется у двери.

Финч поспешно закивал, нервно сглотнув. Дик же, не проронив ни слова, занял позицию снаружи. Он прислонился к косяку и сложил руки на набалдашнике трости — неподвиж-

ный, как гранитное изваяние.

Стоило мне войти в кабинет и только коснуться завязок шапи. В этот же момент в коридоре раздались тяжёлые шаги, а затем требовательный стук в дверь. Финч вздрогнул всем телом, метнулся к двери, едва не опрокинув по пути стул, и распахнул её так широко, будто приглашал внутрь целую армию.

На пороге стоял интендант.

— Сэр Уильям! — Финч согнулся в поклоне, почти раболепно вжимаясь в стену, чтобы освободить дорогу. — Прощу вас, входите!

Бейтс шагнул внутрь, одарив тесный кабинет порцией нескрываемого презрения, и лишь затем удостоил вниманием меня. Интендант смотрел оценивающе и недоверчиво: его взгляд скользнул по моему зеленому муслину, простой причёске и, наконец, замер на моем лице. В складках его губ затаилась насмешливая ухмылка.

— Леди Сандерс, — протянул он, скорее констатируя факт моего присутствия, чем здороваясь.

— Сэр Уильям. Благодарю за пунктуальность.

Он лишь фыркнул. Стянув перчатки, он небрежно бросил их на стол Финча, словно это была его собственность.

— Пунктуальность? У меня нет времени на любезности, мадам, так что давайте обойдёмся без церемоний.

Не дожидаясь приглашения, он опустился на стул, расстегнул верхнюю пуговицу сюртука и шумно вытер лоб плат-

ком. Финч, окончательно потеряв голову от суеты, бросился пододвигать стул для меня, в процессе едва не смахнув локтем открытую чернильницу. Я села, выпрямив спину и спокойно сложив руки на коленях.

Некоторое время Бейтс молча буравил меня тяжелым, испытывающим прищуром. От него буквально исходило раздражение, граничащее с открытой враждебностью.

— Вы утверждаете, что владеете секретом длительного хранения продуктов. Методом некоего немецкого химика, — наконец заговори он, вкладывая в слово «химик» столько скепсиса, сколько смог.

— Я не утверждаю, я владею этим методом, — отозвалась я с той бесстрастной уверенностью, которая не допускает возражений. — Разница между этими понятиями — сохранность флота.

— Весьма дерзко для дамы, — хмыкнул Бейтс, удивленно вскинув брови.

— Правдиво для человека, который знает себе цену, — парировала я спокойно. — Вы здесь не из праздного любопытства, сэръ Уильям. Я могу вам помочь, но только если вы готовы меня выслушать без предвзятости.

Лицо его потемнело, челюсти сжались так, что на щеках вздулись желваки. Он явно не привык, чтобы с ним так говорили, тем более женщины. Но я не отвела взгляда. Я держала его, не моргая, давая понять: я не испуганная просительница, пришедшая умолять о крохах со стола Адмиралтейства.

Я партнёр по сделке. Равный партнер.

Бейтс тяжело выдохнул и откинулся на спинку стула, которая тотчас протестующе скрипнула под его весом.

— Говорите, — бросил он коротко.

Я сделала паузу, выстраивая аргументы в голове, как полководец выстраивает оборону перед боем. Это был ключевой момент. Покажи я слабость, и он раздавит меня авторитетом, вытянет всё, что мне известно, не заплатив ни пенни. Переборщи я с напором, он развернётся и уйдёт, предпочтя привычную ложь гневу адмирала.

— Метод Мюллера основан на строгом температурном контроле, — начала я, тщательно подбирая слова. — Ошибка всего в пять градусов и мясо сгниёт в бочках, не успев пересечь Ла-Манш. Продукт нужно предварительно выдерживать в рассоле строго определённой концентрации: соль, селитра, можжевельник, лавровый лист. Пропорции критичны, сэра Уильям. Слишком много соли и мясо станет несъедобным, превратится в подошву. Слишком мало и гниение начнется уже к концу первой недели.

Бейтс слушал, нахмурившись, а его взгляд замер на чернильном пятне на столе Финча.

— Затем продукт высушивается, — продолжала я, набирая темп. — Для каждого вида свой режим. Капуста требует ста сорока градусов по Фаренгейту и двадцати часов непрерывной сушки. Морковь той же температуры, но уже в течение тридцати часов. Мясо же требует особого подхода: со-

рок восемь часов с постоянным отводом влаги. Если воздух застаивается — появится плесень, которая уничтожит всю партию. Если пересушить — продукт превратится в камень, который невозможно будет размочить даже в кипятке.

Я замолчала, давая ему осознать сложность процесса.

— Вы можете попытаться сделать это самостоятельно, сэр Уильям, — произнесла я жёстко. — Можете поручить своим клеркам найти кого-то, кто что-то слышал об опытах в Пруссии. Но когда первая партия протухнет в море, а вторая окажется ядовитой, и матросы продолжают умирать от цинги... адмирал Грей найдет виновного. И боюсь, он не ограничится выговором. Я же предлагаю вам готовую технологию. С моим личным контролем на каждом этапе.

Наступила тишина. Интендант долго переваривал услышанное, и только его пальцы, нервно постукивающие по подлокотнику, выдавали внутреннюю бурю. Он понимал: я не блефую. Я называла цифры и нюансы, которые невозможно выдумать на ходу.

— Допустим, — проговорил он наконец хрипло, — допустим, ваш метод работает. Но даже если это так, у меня нет времени на постройку особых помещений. Адмирал Грей не даст мне и месяца. Я не успею возвести здание, установить печи и запустить производство.

Я чуть улыбнулась, впервые за весь разговор.

— Нам не нужно строить, сэр Уильям. Нам нужно купить то, что уже работает.

Он резко вскинул голову, глаза его сузились.

— Что вы имеете в виду?

— Пивоварню.

— Пивоварню? — переспросил он недоверчиво.

— Именно, — подтвердила я. — В каждой крупной пивоварне есть солодовни — печи для сушки ячменя. Они уже устроены так, чтобы работать при высоких температурах, в них продумана вентиляция для отвода влаги. Они идеально подходят для нашей цели. Там есть чаны для вымачивания продуктов, доступ к воде, склады... всё необходимое. Остаётся лишь найти убыточное заведение, переоборудовать печи под нужный нам жар, а это дело нескольких дней, и запустить производство немедленно.

Бейтс молчал. Я видела, как за его лбом шестерни бюрократического аппарата начали вращаться в другую сторону. В его глазах медленно разгоралась искра того самого спасительного облегчения, которое чувствует утопающий, завидев берег. Я не просто продавала ему технологию, я предлагала готовую схему, которая снимала с него груз ответственности за сроки.

Он выпрямился, поправил галстук и впервые за встречу посмотрел на меня не как на досадную помеху, а как на человека, удерживающего его над пропастью.

— Хорошо. Интендантский совет найдет средства на выкуп подходящего объекта. — Он чуть помедлил и добавил уже более деловым, сухим тоном: — Каковы ваши условия,

леди Сандерс?

— Первое. Для эффективного контроля производства мне нужен дом в приличном районе, — начала я, глядя ему прямо в глаза. — Я не могу позволить себе тратить часы на дорогу. Мне известно, что на Кинг-стрит, в Сент-Джеймсе, сейчас пустует дом леди Уилск. Интендантство оплатит его аренду напрямую владелице как часть представительских расходов проекта.

Бейтс поморщился, его губы обиженно вытянулись в ниточку. Он явно хотел возразить, напомнить о скромности и приличиях, но, взглянув на мою непоколебимую позу, лишь раздражённо махнул рукой.

— Ладно. Аренда жилья за счёт казны. Что ещё?

— Мой поверенный, мистер Финч, будет официально управлять предприятием, — я слегка указала рукой на замершего адвоката. — Он будет получать пятнадцать процентов от суммы каждого заказа, размещённого Советом. Из них пять процентов остаются мистеру Финчу как вознаграждение за управление, а десять он обязан перечислять на счёт моей помощницы, мисс Мэри Браун. Она будет вести учёт всех расходов проекта.

Бейтс замер, медленно наливаясь пунцовым цветом. Он приоткрыл рот, словно ему не хватало воздуха.

— Пятнадцать процентов?! — выдохнул он, и его голос сорвался на тот самый знакомый визг.

— Пять мистеру Финчу, десять моей помощнице, — че-

каня каждое слово, повторила я, не меняя позы. — Вы получаете технологию, которой нет ни у кого в Европе. Вы получаете производство, готовое к запуску через неделю. Вы получаете мою гарантию качества. Пятнадцать процентов — это пыль по сравнению с тем, что вы теряете ежедневно на гнилых поставках.

Бейтс молчал, тяжело и шумно дыша. На его висках вздулись жилы, пульсируя в такт его яростным мыслям. Я видела, как он лихорадочно считает в уме. Пятнадцать процентов — внушительная сумма, но для бюджета ведомства не смертельная. Наверняка он сам привык к куда более жирным откатам. А здесь перед ним лежал спасательный круг, за который нужно было просто заплатить казенными деньгами.

— Контракт на какой срок? — спросил он наконец хрипло.

— Год. С правом продления по обоюдному согласию.

Бейтс провёл ладонью по лицу, размазывая пот, и на мгновение закрыл глаза. В кабинете воцарилась такая тишина, что было слышно, как на улице кричит разносчик газет. Затем он медленно, очень медленно кивнул.

— Хорошо. Согласен. Составляйте договор.

Я выдохнула, стараясь сохранить на лице маску ледяного спокойствия, хотя внутри всё дрожало от осознания масштаба победы. Я плотнее прижала руки к коленям, скрывая дрожь в пальцах под складками муслина. Финч, замерший за столом, казался изваянием; он сжимал перо так сильно, что

косячки пальцев побелели. В его широко распахнутых глазах застыло оцепенение человека, который в одно мгновение превратился из заурядного проктора из Докторс-Коммонс в управляющего государственным контрактом.

— Мистер Финч, — обратилась я к нему. Мой голос прозвучал неожиданно громко и отчетливо в наступившей тишине. — Составьте договор со всеми условиями, которые мы только что оговорили.

Финч дёрнулся, словно очнувшись от транса, и часто заморгал, возвращаясь в реальность.

— Да... да, разумеется! Немедленно!

Он лихорадочно схватил чистый лист. Перо нырнуло в чернильницу так резко, что несколько тёмных капель брызнули на заваленный бумагами стол. В кабинете снова воцарилась тишина, но на этот раз напряженная, рабочая. Слышно было лишь, как металлическое остриё с надрывным скрипом выводит строку за строкой. Время от времени адвокат замирал, вчитываясь в написанное, качал головой и, решительно зачеркнув фразу, переписывал её заново, добиваясь юридической безупречности.

Двадцать минут тянулись, как густая патока. Наконец он отложил перо, бережно вытер его о тряпку и шумно выдохнул, расслабляя плечи.

— Готово, леди Сандерс. Прошу вас.

Он взял лист обеими руками, будто боясь уронить хрупкую драгоценность, и протянул его мне.

Я медленно и вдумчиво читала, вникая в каждое слово, в каждую формулировку и каждую запятую. Это был не просто контракт на поставку провизии. Это был мой единственный щит, способный защитить мои деньги и мою свободу от Колина. Каждое условие, спрятанное за сухими юридическими терминами, было еще одним кирпичом в стене, которую я возводила между собой и прошлым.

«Настоящим договором устанавливается следующее:

Первое. Интендантство Адмиралтейства Его Величества, в лице главного интенданта сэра Уильяма Бейтса, обязуется выкупить пивоваренное предприятие в Саутуарке для организации производства сушёных продуктов долгосрочного хранения.

Второе. Управление предприятием, наём рабочих и контроль качества производства поручается мистеру Томасу Финчу, действующему как управляющий проектом.

Третье. Интендантство оплачивает аренду дома на Кинг-стрит, Сент-Джеймс, занимаемого леди Катрин Сандерс для нужд проекта, сроком на один год с правом ежегодного продления на весь период действия контракта. Арендная плата вносится Интендантством напрямую владелице дома.

Четвёртое. Вознаграждение в размере пятнадцати процентов от стоимости каждого заказа, размещённого Интендантством, выплачивается мистеру Томасу Финчу. Из этой суммы десять процентов подлежат перечислению на

счёт мисс Мэри Браун, распорядительницы по учёту проекта, в течение трёх дней после получения платежа. Остальные пять процентов остаются у мистера Финча за управление предприятием.

Пятое. Договор заключается сроком на год с возможностью продления по обоюдному согласию сторон.

Шестое. Все расходы на закупку сырья, оборудование, наём и содержание рабочей силы несёт Интендантство Адмиралтейства Его Величества».

— Всё верно, — произнесла я, протягивая лист интенданту.

Бейтс лишь мельком пробежался взглядом по пунктам договора. Его не заботило, чьи имена стоят в графах выплат; для него всё это было лишь досадной ценой за спасение собственной головы. Главным оставалось мясо, которое должно было перестать гнить в трюмах.

Финч тем временем, не теряя ни секунды, принялся за работу. В кабинете снова воцарилась тишина, нарушаемая лишь лихорадочным скрипом пера. Он спешно, но аккуратно переписывал текст, создавая две идентичные копии. Время словно загустело, пока мы с Бейтсом сидели друг напротив друга, не обменявшись ни единым словом. Наконец последняя точка была поставлена. Финч аккуратно просушил листы песком и с почтительным поклоном разложил их перед интендантом.

— Прошу вас, сэръ Уильям.

— Где подписывать? — буркнул тот, не скрывая своего раздражения.

Финч указал пальцем на строку внизу страницы. Бейтс взял перо и размашисто, почти небрежно вывел свою подпись, добавив дату крупными цифрами. Пока он доставал из внутреннего кармана тяжелую круглую печать, Финч уже поднес к бумаге палочку сургуча, плавя её над огнем свечи. В воздухе поплыл резкий, горьковатый аромат дыма. Бейтс с силой прижал печать к вязкой алой капле.

— Готово, — бросил он, резким движением отодвигая бумаги к центру стола.

Финч осторожно придвинул договора к себе и поставил свою подпись ниже. Моя подпись не требовалась, я не была стороной контракта. Официально я вообще не существовала в этой сделке.

Бейтс поднялся, с усилием натягивая перчатки и по-прежнему не глядя на нас.

— Завтра я пришлю вам документы на право управления пивоварней и вексель на первоначальные расходы. Всё на ваше имя, Финч. Имейте в виду: через три недели я хочу видеть первую партию готовой к отправке.

Он развернулся и направился к выходу, не утруждая себя прощальным кивком. Я видела в дверном проёме неподвижную фигуру Дика, который молча посторонился, освобождая дорогу. Бейтс вышел, тяжело ступая по коридору, и хлопнул входной дверью так, что в кабинете жалобно звяк-

нули стёкла.

Финч остался сидеть за столом, не сводя взгляда с подписанного договора. Он смотрел на листы бумаги так, точно перед ним лежало Священное Писание, способное в один миг перекрыть всю его жизнь. Наконец он медленно, как во сне, поднял голову и посмотрел на меня.

— Леди Сандерс... вы понимаете, что мы только что сделали? — его голос сорвался, превратившись в хриплый, благоговейный шёпот.

Я устало усмехнулась и откинулась на спинку стула. Напряжение последних часов медленно отступало, оставляя после себя странную, звенящую пустоту.

— Мы обезопасили моё будущее, мистер Финч. И ваше тоже.

— Адмиралтейство закупает провиант на сотни тысяч фунтов ежегодно... — адвокат заговорил быстрее, его голос едва не перешел в крик, который он с трудом подавил. — Пятнадцать процентов от таких сумм... Пять мне, десять вам... Боже милостивый, это же целое состояние.

Я поднялась, чувствуя, как на плечи наваливается свинцовая тяжесть усталости. Подойдя к столу, я оперлась о край и наклонилась к Финчу, заглядывая ему прямо в глаза.

— Завтра же вы дадите мисс Мэри Браун рекомендательное письмо в банк. Это первое, что нужно сделать.

Финч заторможено кивнул, переваривая услышанное.

— Понял. Счёт на имя Мэри Браун. Я всё подготовлю.

— И помните, мистер Финч: если хоть один пенни из этих десяти процентов не дойдёт до счёта Мэри, я узнаю. И тогда контракт с Адмиралтейством развалится. Потому что без моего контроля за технологией ваше производство не проработает и недели. Первая же партия сгниёт, и Бейтс разорвёт договор, а вы останетесь ни с чем.

Финч побледнел, но взгляд его стал неожиданно твердым.

— Всё будет исполнено в точности, леди Сандерс. Даю слово. Каждый пенни окажется на счёте мисс Браун.

— Отлично, — я выдохнула, чувствуя, что могу ему доверять, хотя бы из чувства его собственного самосохранения. — Тогда у меня к вам предложение. Станьте моим постоянным управляющим. Оставьте мелкие иски, семейные склоки и долговые расписки. Теперь ваша жизнь — это контракты с государством, закупки сырья и управление производством. У меня большие планы, мистер Финч, и мне нужен надёжный человек.

Финч молчал, разглядывая меня так, словно видел впервые. Затем он медленно расправил плечи, и казалось, этот контракт добавил ему и роста, и веса.

— Я с вами, леди Сандерс.

— Тогда за работу. Завтра получите бумаги от Бейтса и первый вексель. Отведите Мэри в банк, откройте на её имя счёт, а затем готовьтесь к поездке в Саутуарк. Нам нужно осмотреть пивоварню и начать нанимать людей. У нас всего три недели до первой поставки.

Я кивнула Финчу, закрепляя наш негласный союз, и направилась к дверям. Дик при моем появлении лишь молча оттолкнулся от косяка и, не дожидаясь распоряжений, двинулся впереди меня к выходу из здания.

Стоило нам покинуть душный холл, как в лицо ударило яркое полуденное солнце. Воздух, пронизанный запахами реки и лондонской пыли, показался мне необычайно сладким. Я села в кэб, откинулась на жесткое сиденье и на мгновение прикрыла глаза.

Триумф смешивался с изнеможением. Я сделала это. Я переиграла их всех: паникующего Бейтса, закон, превращавший замужних женщин в тени, и самого Колина с его неоспоримым правом на моё имущество. Я получила дом через Интендантский совет, деньги через Мэри и власть через Финча. Я выстроила свою идеальную комбинацию, оставаясь при этом официально невидимой.

Глава 4

Спустя час кэб затормозил у дома с привычным скрипом. Дик спрыгнул с козел прежде, чем колёса окончательно замерли, и распахнул дверцу, подставляя руку для опоры. Я ступила на мостовую, машинально отряхивая дорожную пыль со складок платья, и на мгновение задержалась, глядя на замершую фигуру своего телохранителя.

— Дорс, в чём именно заключается ваша работа?

— Всегда быть рядом, мэм, — ответил он коротко.

— Тогда заходите в дом, — я кивнула на дверь. — Не стоять же вам на улице всю ночь. Спать будете в гостиной, на диване.

Дик молча последовал за мной внутрь, и едва я переступила порог, как из глубины прихожей вынырнула Мэри. Её лицо в тусклом свете свечи казалось почти прозрачным, а голос, сорвавшийся на полушёпот, дрожал от плохо скрываемого волнения:

— Госпожа! Как всё прошло? Интендант... он согласился?

— Да, Мэри. Контракт подписан. Завтра мистер Финч откроет тебе счёт в банке.

— Мне? — переспросила осторожно, будто боялась, что слова рассыплются, если произнести их слишком громко. — Счёт... в банке?

— Тебе, — подтвердила я, проходя в гостиную и опускаясь в глубокое кресло у камина. — По закону я, как незамужняя женщина, не имею права владеть имуществом. Любой шиллинг, заработанный мной, принадлежит Колину. Он может явиться в любой момент и потребовать всё до последнего пенни, и закон будет на его стороне.

Мэри побледнела еще сильнее, если это вообще было возможно.

— Но ты незамужняя, — продолжала я. — Закон о покрытии на тебя не распространяется. Поэтому десять процентов от каждого заказа Интендантства будут перечисляться на твой счёт. Официально ты распорядительница по учёту проекта. Фактически ты хранишь мои деньги там, куда мой муж не сможет дотянуться.

Мэри опустила на краешек стула, прижав ладони к груди, словно пытаюсь унять бешеное сердцебиение.

— Я... я не знаю, что сказать, госпожа.

— Скажешь спасибо, когда увидишь первую выплату, — усмехнулась я, чувствуя, как усталость наконец берет свое. — А пока накрой ужин. И для Дорса тоже. С этой ночи он остаётся в доме.

Мэри вскочила, часто закивала и заторопилась на кухню, бормоча что-то невнятное. Дик остался стоять у двери, держа шляпу в руках. Спина прямая, ноги слегка расставлены, всё та же застывшая солдатская стойка, готовая в любой момент среагировать на угрозу.

— Располагайтесь, Дорс, — кивнула я на диван. — Это ваше место на ночь.

Он медленно склонил голову, но сесть не решился, оставшись стоять, как часовой на посту.

Ужин принесли быстро. Мэри накрыла стол в гостиной. всё то же скромное меню — остатки пастушьего пирога, ломоть хлеба, кусок сыра и кувшинчик эля. Для себя и Дика она накрыла на кухне. Оттуда доносились звуки суеты, звяканье посуды и её тихий голос, она пыталась завязать беседу, но Дик отвечал односложно, если вообще считал нужным открывать рот.

Оставшись в одиночестве, я развернула газету, купленную по дороге у уличного разносчика. «Morning Post» — одна из немногих газет, сохранивших остатки независимости. Заголовки пестрели привычными темами: дебаты в Парламенте о хлебных пошлинах, очередные слухи о возможном мире с Бонапартом и громкий скандал в высшем свете, некая леди Х. сбежала с молодым офицером, оставив мужа и троих детей. Светская хроника смаковала подробности с тем особым цинизмом, который присущ людям, обсуждающим чужое падение.

Я дочитала статью, отпила эля и взялась за еду. Пирог был суховат, сыр крошился, но голод брал свое. Я методично управлялась с ужином, продолжая перелистывать страницы: объявления о продаже поместий, реклама чудодейственных эликсиров от всех недугов и краткое извещение о публичной

порке вора на Тауэр-Хилл.

Когда с ужином было покончено, я отодвинула тарелку и позвала:

— Мэри! Иди сюда. Будем учиться расписываться.

Она появилась мгновенно, на ходу вытирая руки о передник. Глаза её расширились, в них отразилось смятение, смешанное с благоговением.

— Сейчас, госпожа?

— Сейчас, — отрезала я, поправляя фитиль у свечи. — Завтра тебе в банк. Без подписи счёт не откроют, а ставить крестик в документах Адмиралтейства мы не станем. Это дурной тон для моей распорядительницы.

Мэри робко прошла в гостиную и присела на самый край стула напротив меня. Следом бесшумно, как тень вошёл Дик. Он занял свое место в углу, на стуле у окна, и замер, скрестив руки на груди.

Я пододвинула к себе чистый лист, обмакнула перо в чернильницу и крупно, разборчиво вывела: Mary Brown.

— Смотри, — я повернула лист к ней. — Вот так пишется твоё имя. Сначала попробуй просто обвести буквы. Привыкни к тому, как перо лежит в руке.

Мэри взяла перо так, точно это была раскалённая кочерга. Пальцы её заметно дрожали, и первая попытка вышла комом: буквы расплзлись по бумаге, чернила капнули, оставив жирную кляксу.

Она вскинула на меня отчаянный, почти виноватый

взгляд.

— У меня не получается, госпожа! Перо меня не слушается!

— Получится, — ответила я твёрдо, не давая ей пасть духом. — Попробуй ещё раз. Медленнее, не дави на кончик так сильно, иначе расщепишь его и забрызгаешь всё вокруг. Просто веди линию.

Она кивнула, закусила губу и снова склонилась над столом так низко, что её чепец едва не коснулся чернильницы. Вторая попытка была чуть увереннее. Третья еще лучше. В тишине гостиной был слышен только скрип пера о бумагу и мерное дыхание Дика в углу.

К десятой попытке рука Мэри наконец перестала дрожать, и буквы выстроились в относительно ровную, пусть и слегка неуклюжую линию. Это была уже не просто мазня чернилами, а её первое заявление о правах на собственную жизнь, скрепленное пером.

Я украдкой бросила взгляд на Дика. Он по-прежнему сидел неподвижно, но вся его напускная безучастность исчезла. Взгляд солдата был намертво прикован к столу, к листам бумаги и тем таинственным знакам, что выводила служанка. Его брови сошлись у переносицы, губы чуть приоткрылись, он всматривался в линии с таким напряжением, будто пытался разглядеть противника в густом тумане, но смысл от него ускользал.

Он не умеет читать.

Дик Дорс — ветеран тридцать второго пехотного, прошедший Ирландию и выживший в песках Египта, человек, не раз смотревший в лицо смерти, был беспомощен перед клочком бумаги. Для меня, привыкшей к поголовной грамотности своего времени, это осознание было почти физически болезненным, здесь же оно являлось нормой. Зачем простолюдину буквы? Чтобы пахать землю, таскать тюки или ровно держать мушкет в строю, умение читать не требовалось.

Я молча взяла несколько чистых листов и, обмакнув перо, начала выписывать алфавит. Крупно, четко, оставляя между строками побольше места.

— Мэри, — сказала я чуть громче, чем требовала обстановка, — теперь повторим буквы. Вслух.

Она послушно кивнула, не понимая перемены в моем голосе, но доверяя мне безоговорочно.

— А, — я ткнула пальцем в первую букву, — повтори.

— А, — эхом отозвалась Мэри.

— В.

— В.

— С.

— С.

Мы продвигались по алфавиту медленно. Я произносила каждый звук громко и отчётливо, задерживая палец на плотной бумаге. Мэри старательно вторила мне, вкладывая в каждое повторение почти религиозное усердие.

А Дик... Дик слушал. Я видела, как он едва заметно шевелит губами, беззвучно копируя наши голоса. Его взгляд неотрывно следовал за моим пальцем, запоминая изломы линий, связывая звук с изображением. В этой душной гостиной, при свете оплывающей свечи, солдатская выправка оставалась прежней, но в глазах его отражалась работа ума, столкнувшегося с неведомой прежде силой.

Мы дошли до Z. Я отложила перо, и в комнате воцарилась гулкая тишина, нарушаемая лишь треском дров в камине.

— На сегодня хватит, — объявила я, разрывая оцепенение. — Мэри, ты молодец. Завтра продолжим.

Она шумно выдохнула, расслабляя плечи, и потёрла затёкшую шею.

— Спасибо, госпожа. Я правда... я очень постараюсь всё выучить.

— Знаю, — кивнула я. — Иди спать, завтра большой день. Мэри поднялась, присела в коротком реверансе и поспешила наверх, её шаги быстро стихли на лестнице.

Я собрала исписанные листы в аккуратную стопку, но не стала убирать их в ящик. Оставила на краю стола, на самом видном месте, подставив под гаснущий свет, потом обернулась к Дику.

Он смотрел на меня настороженно, так смотрят на что-то непонятное и потенциально опасное, что может навсегда изменить привычный мир.

— Дорс, — сказала я тихо, — если вам интересно, можете

взять эти листы, они останутся здесь.

Пауза повисла тяжёлая, густая, как лондонский туман. Он не произнёс ни слова, лишь едва заметно склонил голову, но этого было достаточно.

Я направилась к лестнице. Уже поднимаясь на второй этаж, я не удержалась и обернулась. Дик всё ещё сидел на стуле, застывший, как каменное изваяние. Но он не отрывал глаз от стола, где белели листы с алфавитом. И в этом безмолвном противостоянии солдата и бумаги я увидела начало ещё одной победы...

Проснулась я рано, когда небо над Лондоном только начало светлеть, окрашиваясь в бледные серо-розовые полосы. Спустившись в гостиную, я обнаружила Дика на его привычном посту. Он стоял, заложив руки за спину и глядя на пустую улицу; в рассветных сумерках его фигура казалась тёмным монолитом, чётко прорисованным на фоне серого окна.

При моем появлении он обернулся и коротко кивнул.

— Доброе утро, Дорс, — сказала я.

— Доброе утро, мэм.

Я подошла к столу. Листы с алфавитом лежали в идеальном порядке, но я сразу заметила, что край стопки сдвинут на дюйм влево, а верхний лист слегка выгнут, будто его долго держали в больших ладонях.

Я ничего не сказала, лишь едва заметно улыбнулась про себя.

Через несколько минут в гостиной появилась Мэри и при-

нялась бесшумно накрывать на стол.

Мой завтрак сегодня выглядел чуть богаче обычного, Мэри явно старалась подбодрить меня перед важным днем. На фаянсовой тарелке дымилась густая овсянка, сдобренная щедрым куском сливочного масла и ложкой темной патоки. Рядом лежали два ломтя поджаренного хлеба и небольшой глиняный горшочек с прошлогодним джемом из крыжовника. Крепкий черный чай источал терпкий аромат, смешиваясь с запахом подтаявшего воска.

Я ела в одиночестве, глядя в окно на просыпающийся город. В доме было необычно шумно: с кухни доносилось негромкое звяканье ложек о фаянс, плеск воды и приглушенные голоса. Я слышала, как Мэри что-то быстро говорит, и как ей в ответ глухо и коротко рокочет Дик.

Я отставила чашку как раз в тот момент, когда Мэри вернулась, чтобы убрать со стола.

— Мэри, оставь поднос. Собирайся, — велела я, поднимаясь. — Мы едем к модистке. Нам обеим нужны достойные платья.

Она так и замерла с протянутой к тарелке рукой. Её глаза округлились, а пальцы вцепились в край подноса.

— Мне тоже, госпожа?

— Тебе тоже, — подтвердила я, расправляя манжеты. — Отныне ты моя компаньонка, Мэри. Ты будешь сопровождать меня повсюду, и твой вид должен соответствовать твоему новому положению.

Мэри часто закивала, её лицо вспыхнуло от радостного возбуждения, и она едва не бегом бросилась наверх, забыв про грязную посуду. Я проводила её взглядом и посмотрела на Дика. Тот даже не обернулся, но я была уверена, что он не пропустил ни слова.

Спустя полчаса мы уже сидели в кэбе. Дик занял место на козлах рядом с извозчиком, а мы с Мэри устроились на жестком сиденье внутри экипажа. Колёса с грохотом покачивались по булыжной мостовой, унося нас прочь от сонных улочек Блумсбери в сторону Бонд-стрит — сияющего сердца лондонской роскоши.

Мастерская мадам Лефевр располагалась в изящном здании с высокими витринами, за стеклами которых застыли манекены, демонстрируя последние парижские моды. Стоило нам переступить порог, как навстречу вышла сама хозяйка — невысокая, сухопарая женщина лет сорока. У неё были острые черты лица и взгляд настолько пронизательный, что казалось, она видит не только фасон моего платья, но и содержимое ридикюля.

— Мадам, добро пожаловать! — она окинула нас оценивающим взглядом. Её внимание на мгновение задержалось на Мэри, брови едва заметно дрогнули, но мадам тут же вернула лицу маску профессиональной любезности. — Чем могу быть полезна?

— Мне нужен гардероб, — сказала я без лишних вступлений. — Три повседневных платья из тонкого муслина, про-

стого и безупречного кроя. И три парадных для вечерних выходов: тяжёлый шёлк, современный силуэт, но сдержанные цвета.

Мадам Лефевр понимающе кивнула, ловко вынимая из кармана блокнот.

— Разумеется. А для мадемуазель? — она кончиком карандаша указала на замершую у входа Мэри.

— Для мисс Браун, — подтвердила я. — Два строгих повседневных платья из качественной шерсти и одно выходное.

Мэри вспыхнула до корней волос, став под цвет пунцовых лент на ближайшей шляпке, но я проигнорировала её смущение.

Хозяйка ателье повела нас вглубь мастерской, где на столах, застеленных сукном, лежали отрезки тканей, а на стенах висели эскизы.

— Сейчас все подражают античным модам, мадам, — поясняла она, разворачивая перед нами листы с рисунками. — Высокая талия под самую грудь, струящийся прямой силуэт и минимум украшений.

— Хорошо, но никаких кричащих оттенков, — я коснулась края нежно-серого шелка. — Выбирайте лавандовый, кремовый или бледно-зелёный.

— Превосходный вкус, — одобрила мадам Лефевр, делая пометку. — Для вечерних выходов рекомендую этот шёлк: дымчато-серый с серебряным шитьем или приглушённый

голубой. Это подчеркнёт достоинство, не создавая лишнего шума.

— Подойдёт, но мне нужно одно парадное платье к субботе, — произнесла я, устанавливая жесткий срок. — И я хотела бы, чтобы повседневные вещи были готовы не позже.

Мадам Лефевр нахмурилась, прикусив губу и быстро прикидывая сроки.

— Суббота... это крайне мало времени, мадам. Чтобы успеть с примерками и отделкой, моим швеям придётся работать при свечах ночи напролёт. За такую спешность придётся добавить пять гиней к обычной стоимости.

— Я согласна.

Мадам Лефевр удовлетворенно улыбнулась и властным жестом пригласила нас к высоким зеркалам.

— В таком случае, приступим к снятию мерок.

Следующие несколько часов прошли в суете, наполненной шорохом тканей и мерным перестуком каблучков. Мадам и её помощницы обмеряли нас с Мэри, записывая цифры в длинные узкие реестры, прикладывали образцы шелка и муслина к лицу, обсуждая тончайшие детали отделки.

Мэри стояла как истукан, боясь лишней раз вздохнуть и густо краснея всякий раз, когда чужие руки касались её плеч или талии. Я же спокойно утверждала эскизы, проверяя фактуру тканей на ощупь.

Наконец все формальности были улажены. Мадам назвала итоговую и весьма внушительную сумму, но вполне оправ-

данную скоростью и качеством. Я расплатилась, небрежно отсчитывая золотые монеты. Деньги на это были. После продажи секрета жженого солода пивоварам, оставалась приличная сумма, а вскоре мой бюджет должен был пополниться первыми выплатами от Интендантства.

— Парадное платье будет готово во вторник после полудня, — пообещала мадам Лефевр, лично провожая нас до порога. — Остальные в течение двух недель.

— Превосходно. Благодарю.

Мы вышли на залитую солнцем Бонд-стрит. Дик уже ждал у кэба, всё такой же бдительный и молчаливый. Стоило нам забраться внутрь, как экипаж тронулся в обратный путь к Блумсбери.

Когда мы подъехали к дому, у крыльца обнаружился мальчишка-посыльный лет двенадцати. В потрёпанной куртке и кепке, из-под которой торчали всклокоченные волосы, он нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Завидев нас, он резко шагнул вперёд, протягивая запечатанную записку.

— Для леди Сандерс! От мистера Финча!

Я приняла письмо, сунула сорванцу пенни, и тот умчался, явно довольный заработком. Сломав печать, я быстро пробежала глазами по строкам:

«Леди Сандерс, жду мисс Браун в банке «Куттс и Ко» сегодня в два часа пополудни. Т. Финч».

Я сложила лист и взглянула на притихшую Мэри.

— Мы едем в банк «Куттс».

Она заметно побледнела и вцепилась пальцами в складки своего платья.

— Я... я же не одна поеду, госпожа?

— Разумеется, нет, — успокоила я её. — Мы поедем вместе.

Банк «Куттс и Ко» на Стрэнде встретил нас массивными колоннами и латунными табличками, начищенными до зеркального блеска. Внутри царила атмосфера респектабельности и вековой тишины, нарушаемой лишь сухим скрипом перьев и шелестом гербовой бумаги. За высокими конторками склонились клерки в черных сюртуках, методично заполняя необъятные гроссбухи.

Финч уже ждал нас в вестибюле. Завидев нас, он порывисто поднялся и отвесил глубокий поклон.

— Леди Сандерс. Мисс Браун. Прошу за мной, всё подготовлено.

Он провел нас в небольшой кабинет, обшитый темными дубовыми панелями. За массивным столом восседал управляющий, степенный господин с седеющими бакенбардами. Он окинул нас взглядом, в котором читалось явное недоумение.

— Мистер Финч, — проговорил он, задерживая взгляд на Мэри. — Вы утверждали, что счёт открывается для мисс Браун. Это... она?

Управляющий смотрел на мою помощницу так, будто перед ним предстало невиданное диво, случайно зашедшее в

храм финансов.

— Именно так, мистер Харрисон, — невозмутимо подтвердил Финч. — Мисс Браун будет вести финансовый учёт по крупному государственному контракту.

Управляющий нахмурился, а в его голосе прорезалась холодная чопорность:

— Нам нужны твердые гарантии, сэр. Мы не открываем счета подобным лицам на основании одних лишь заверений.

Финч, не меняясь в лице, достал из портфеля договор с Интендантством, развернул его и плавно положил перед управляющим.

— Вот ваши гарантии, сэр. Контракт с печатью главного интенданта Адмиралтейства. Пункт четвертый: десять процентов от суммы каждого заказа перечисляются непосредственно на счёт мисс Мэри Браун.

Харрисон придвинул документ ближе к свече, вчитываясь в сухие строки. Его брови медленно поползли вверх. Он перечитал абзац еще раз, а затем перевел взгляд на Мэри, уже с совершенно иным выражением, в котором смешались подозрительность и вынужденное почтение. Против печати Адмиралтейства в этой стране никто не шел.

— Весьма... необычно, — выдавил он наконец. — Но раз Интендантство выступает гарантом...

Он вызвал клерка и велел принести необходимые бланки. Следующий час прошёл в оформлении бумаг. Мэри, заметно волнуясь, поставила свою подпись. Рука её чуть дро-

жала, буквы вышли не идеально ровными, но вполне разборчивыми. Уроки не прошли даром.

Наконец управляющий протянул ей небольшую книжечку в дорогом кожаном переплете.

— Ваш пассбук, мисс Браун. Все операции по счету должны вноситься сюда нашими клерками. Берегите его — это подтверждение вашего капитала.

Мэри приняла её обеими руками, как величайшую святыню. Я видела, как в уголках её глаз предательски блеснули слезы.

Мы вышли из банка в молчании. Дик ждал у входа, небрежно прислонившись к колонне и внимательно отслеживая поток прохожих. Финч проводил нас до самого кэба.

— От Бейтса пока новостей нет, — вполголоса сообщил Финч, когда мы подошли к экипажу. — Обещал прислать все документы и вексель сегодня, но курьера до сих пор не было.

Финч помог нам забраться в кэб и уже собирался закрыть дверцу, когда я жестом заставила его помедлить.

— Как только бумаги на пивоварню окажутся у вас, — я понизила голос, — проставьте в расписке о получении фактическую дату и время. Не позволяйте Бейтсу подставить нас за нарушение обязательств. Помните, Финч: в этой игре время — наше единственное оружие.

— Непременно, леди Сандерс.

Дверца захлопнулась. Экипаж вздрогнул и покатился по Стрэнду, медленно вклиниваясь в плотный поток повозок и

экипажей.

Я откинулась на жесткую спинку сиденья, чувствуя, как напряжение дня сменяется глухой усталостью. Мэри сидела напротив, судорожно прижимая к груди новенькую банковскую книжку. Она не смотрела в окно; её взгляд был устремлен в пустоту, а губы едва заметно шевелились, должно быть, она снова и снова проговаривала свое имя, выведенное чернилами в конторе Харрисона. Для неё этот клочок бумаги с неровной подписью стал первым в жизни осязаемым доказательством собственного существования.

За окном тем временем неспешно проплывал Лондон. Огромный, многоликий город, где холодный блеск золота в сейфах Банка Англии соседствовал с беспросветной гнилью трущоб Саутуорка, куда нам предстояло отправиться уже совсем скоро.

Глава 5

Мы вернулись из банка в тот час, когда послеполуденное солнце стояло в самом зените, заливая ослепительным светом узкие улицы Блумсбери. Воздух здесь, в отличие от просквозенного ветрами Сити, казался плотным и неподвижным; он был густо настоян на запахе разогретого камня и тяжелых кухонных ароматах, доносившихся из цокольных этажей. Кэб замер у дома с протяжным, жалобным скрипом. Дик, спрыгнув с козел, привычным скупым жестом распахнул дверцу, выпуская нас наружу.

Едва коснувшись мостовой, я на ходу отряхнула дорожную пыль, осевшую в складках юбки, и обернулась к Дорсу. — Подождите здесь. Мне нужно лишь сменить платье, и мы немедленно отправимся на Харли-стрит.

Дик ответил коротким кивком и остался у экипажа. Мы же с Мэри поспешили скрыться в прохладной тишине дома. Она всё ещё пребывала в каком-то лихорадочном оцепенении: судорожно прижимала к груди банковскую книжку, вцепившись в неё побелевшими пальцами. В её глазах, блестящих от восторга и испуга, читалась наивная вера в то, что это хрупкое сокровище может раствориться в воздухе, стоит ей хоть на миг ослабить хватку.

— Мэри, — окликнула я её, возвращая в реальность, — помоги мне переодеться, у меня всего лишь сорок минут.

Она вздрогнула, точно очнувшись от транса, сунула книжку глубоко в карман платья и заторопилась следом за мной на второй этаж.

В спальне я первым делом распахнула старый сундук, стоявший у стены. Стоило крышке откинуться, как комнату наполнил густой, успокаивающий аромат сушёной лаванды. Там лежало моё лучшее платье из Кента. Тёмно-синий муслин, безупречно строгий крой, полное отсутствие кружев или легкомысленных бантов. Это было платье «благородной бедности» — чистое, добротное, лишённое столичного лоска. Именно то, что нужно, чтобы вызвать сочувствие, не роняя достоинства.

Я быстро стянула запылённое дневное платье, бросив его на изножье кровати. Мэри помогла мне облачиться в синее, расправляя каждый шов и подтягивая ленты. Ткань приятно холодила кожу, ложась мягкими складками, которые придавали фигуре необходимую статью.

— Волосы, — велела я, опускаясь на жесткий стул перед зеркалом.

Мэри взялась за работу с молчаливым усердием. Она скрутила их в простой, но изящный узел на затылке, закрепила шпильками и, чуть помедлив, добавила тонкую синюю ленту, идеально подходящую к платью. Никаких локонов, никаких кокетливых завитков, которые могли бы выдать во мне желание понравиться, всё было почти монашески.

Я оглядела своё отражение в мутноватом стекле. Женщи-

на, смотревшая на меня оттуда, выглядела безупречно в своей строгости. Скромная, но не жалкая. Пострадавшая, но сохранившая внутренний стержень. Именно такой меня и должны были увидеть в гостиной на Харли-стрит.

— Готово, — выдохнула я, поднимаясь. — Спасибо, Мэри.

Она ответила глубоким, старательным и оттого немного неуклюжим реверансом. Получив должность будущей распорядительницы, Мэри уцепилась за эту возможность мертвой хваткой, и теперь она при каждом удобном случае подчеркивала свой новообретенный статус. Я не стала поправлять её, в глазах девушки горел огонь честолюбия, который был мне только на руку. Напротив, я позволила себе едва заметно улыбнуться в ответ, закрепляя в ней эту уверенность.

И больше ни слова не сказав, я накинула на плечи лёгкую шаль и, подхватив ридикюль, направилась к выходу.

Дик всё так же стоял у кэба, не сдвинувшись ни на дюйм. Завидев меня, он молча распахнул дверцу, и я забралась в прохладный полумрак экипажа. Дверь захлопнулась с глухим стуком, отсекая звуки улицы. Через секунду карета качнулась под тяжестью вскочившего на козлы Дорса, и колёса загрохотали по неровным булыжникам.

Поездка заняла чуть менее получаса. Я смотрела в окно, наблюдая, как сонные улочки Блумсбери сменяются шумными перекрестками, а затем чинными кварталами Мэрилебона. Здесь шум города затихал, уступая место респекта-

бельному спокойствию, нарушаемому лишь перестуком копыт породистых лошадей.

Вскоре мы въехали на Харли-стрит. Улица встретила нас ровными рядами особняков, стоявших плечом к плечу с безупречной симметрией. Фасады из тёмного кирпича смотрели на мир строгими рядами высоких окон, и в этом единообразии читалась уверенная власть старых денег.

Экипаж замедлил ход и плавно остановился у дома номер двенадцать. Он ничем не выделялся среди соседей, кроме, пожалуй, исключительной чистоты белокаменных ступеней и входной двери, выкрашенной в глянцево-чёрный лак.

Я выбралась из кэба, на мгновение задержавшись, чтобы поправить шаль, и решительно направилась к дверям. Но не успела я поднять руку к тяжёлому кольцу в пасти латунного льва, как дверь бесшумно распахнулась, и на пороге возник лакей в безупречной ливрее.

— Леди Сандерс? — осведомился он с той ледяной учтивостью, которая приличествует слуге в подобном доме.

— Да.

— Прошу вас, мадам. Леди Уилкс ожидает.

Он отступил в сторону, приглашающим жестом указывая на прохладную глубину холла. Я шагнула внутрь, и мои каблуки глухо застучали по безупречно вымытому мрамору. Однако я не успела сделать и трех шагов, как в дальнем конце коридора зашуршало платье, и из тени навстречу мне почти вылетела невысокая, но величественная матрона.

Её статус угадывался мгновенно: ни одна экономка не позволила бы себе платье цвета бордо с такой богатой кружевной отделкой, а уж тем более массивный гребень с америстами, венчавший седые волосы. Леди Уилкс, а это могла быть только она, казалась воплощением непоколебимой власти. Острые черты её лица смягчались живым блеском пронизательных серых глаз, в которых сейчас читалось нетерпеливое ожидание.

— Леди Сандерс! — её голос, звучный и глубокий, мгновенно заполнил пространство холла. — Какая радость!

Она порывисто протянула мне обе руки, но стоило моим пальцам коснуться её ладоней, как она тут же перехватила меня под локоть. Одним решительным движением увлекла меня в сторону подальше от любопытных ушей лакея и доверительно понизила голос:

— Представьте, леди Сандерс... Всего два часа назад! Ко мне явился клерк из самого Интендантства. Они арендовали мой дом на Кинг-стрит для вас на целый год! Сказали, что вы оказываете неоценимую помощь нашей армии в борьбе с этим проклятым корсиканцем.

Её глаза сияли таким восторгом, будто я только что в одиночку захватила французский флот. Она явно наслаждалась сопричастностью к большой тайне.

— Какое благородное дело, дорогая! Я так рада, что могу внести свою лепту в защиту Британии!

Я позволила себе слабую, исполненную достоинства улыбку.

ку, стараясь выдержать нужный настрой: смесь патриотической гордости и женской скромности.

— Да, леди Уилкс. Долг перед Англией превыше любых личных невзгод.

Она сжала мою руку с неожиданной силой. В этом жесте было не только одобрение, но и своего рода присяга на верность.

— Вы героиня, дорогая моя! Настоящая героиня! — Она на мгновение замолчала, жадно вглядываясь в моё лицо, а затем придвинулась ещё ближе, и её слова стали едва различимы. — Но сейчас ни слова об этом. У меня гости — дамы весьма уважаемые, но, увы, совершенно не умеющие держать язык за зубами. Им не следует знать о королевских делах, вы понимаете...

Она многозначительно подмигнула мне, и я едва сдержала ответную улыбку. Было очевидно: леди Уилкс видела себя по меньшей мере придворной интриганкой эпохи Тюдоров, и эта секретность доставляла ей едва ли не большее удовольствие, чем сама аренда дома.

— Разумеется, — кротко кивнула я.

— Пойдёмте же, я вас представлю.

Она по-хозяйски взяла меня под руку, и мы направились через холл к высоким двустворчатым дверям, за которыми уже слышался приглушённый звон чайных ложечек о фарфор.

Гостиная леди Уилкс была воплощением элегантности и

комфорта. Высокие окна, затянутые тончайшими кружевными занавесками, смягчали яркий дневной свет, наполняя комнату ровным золотистым сиянием. Стены, обитые кремовым шёлком, служили идеальным фоном для потемневших от времени портретов предков в тяжёлых рамах. Воздух здесь был пропитан дорогим табаком, ароматом свежей выпечки и едва уловимым духом старого дерева. У камина, где в глубокой тишине уютно тлели угли, стояли мягкие кресла, обитые изумрудным бархатом, а в центре этого полукруга красовался низкий столик, уставленный сервизом из прозрачного, как яичная скорлупа, фарфора.

За столом сидели три дамы, и все три мгновенно повернулись ко мне, едва мы с леди Уилкс переступили порог. Их взоры скользнули по моему платью, причёске, лицу — быстрая, цепкая оценка, которую светские дамы производят в первые секунды знакомства.

— Дорогие мои, — торжественно объявила леди Уилкс, подводя меня ближе к кругу кресел, — позвольте представить вам леди Катрин Сандерс.

Женщина лет сорока пяти, высокая и статная, лишь слегка склонила голову в приветствии, не выпуская из рук веера. Её платье из тяжёлого тёмно-синего шёлка и острый, высоко поднятый подбородок выдавали натуру высокомерную и крайне проницательную.

— Леди Сент-Джон, — представила её хозяйка. В голосе незнакомки, когда она произнесла ответное приветствие,

слышалась сталь, но внимательный прищур выдавал скорее любопытство, чем враждебность.

Сидевшая рядом дама чуть помоложе, с пышными формами и явным избытком жемчуга на шее, ответила мне коротким наклоном корпуса. В её улыбке сквозило живое, почти детское желание первой узнать все подробности моего скандального переезда.

— Миссис Чамли, — прозвучало имя.

Последней отозвалась женщина лет пятидесяти с благородной сединой в волосах. Она единственная сделала движение, будто собиралась подняться мне навстречу, но в итоге лишь отложила на столик своё рукоделие и мягким жестом указала на свободное кресло рядом с собой. На её лице годы оставили следы не столько возраста, сколько пережитых интриг.

— Графиня Эшер, — закончила представление леди Уилкс.

— Присаживайтесь ближе к огню, дорогая, — голос графини звучал располагающе и тепло. — В Лондоне сейчас так суетно, а вы, должно быть, совершенно измотаны.

Я опустила в глубокое бархатное кресло, чувствуя, как напряжение в спине, наконец, начинает отпускать. Леди Уилкс тем временем уже занялась чайником. Тонкий аромат бергамота поплыл по комнате, смешиваясь со сладковатым запахом бисквитов и свежих сэндвичей с огурцом, аккуратно разложенных на блюдах.

— Сахар, леди Сандерс? — осведомилась хозяйка, занеся серебряные щипчики над хрустальной сахарницей.

— Один кусочек, благодарю вас.

Она ловко опустила кубик в мою чашку и протянула её мне. Я приняла чашку, ощущая пальцами живое тепло, и сделала первый глоток. Горячий, крепкий напиток с благородной горчинкой был именно тем спасением, в котором я нуждалась после этого бесконечного дня.

— Какая ужасная сырость в этом году, не находите ли? — начала миссис Чамли, явно стараясь растопить лёд светской неловкости. — Мой муж утверждает, что такой промозглой весны Лондон не видел уже доброе десятилетие.

— О да, — со вздохом поддержала леди Сент-Джон. — Мой садовник в полном отчаянии. Розы стоят в бутонах и никак не зацветают, боюсь, майские туманы их погубят.

— А у меня в поместье сад превратился в болото, — графиня Эшер печально качнула головой. — Пришлось нанимать людей, чтобы прорыть дополнительные стоки, иначе к лету мы останемся без аллей.

Разговор плавно перетёк от капризов погоды к парижским модам. Леди Уилкс с воодушевлением принялась описывать новые фасоны шляпок, которые, несмотря на войну, всё же просачивались в английские лавки.

— Вы ведь были у мадам Лефевр, леди Сандерс? — миссис Чамли слегка подалась вперёд.

— Да. Ткани в этом сезоне изумительны. Мадам предло-

жила мне несколько отрезков муслина совершенно необыкновенных, легких, почти воздушных.

— О, муслин! — вздохнула графиня Эшер. — Я обожаю эту ткань, но она так капризна. Стоит один раз присесть, и платье измято. Скажите, как в Кенте справляются с этой бедой? Есть ли секрет, как дольше сохранить его свежесть?

— Моя горничная всегда заворачивает муслиновые платья в тонкое хлопковое полотно, которое я велю слегка пропитывать лавандовой водой. Это не только оберегает от насекомых, но и, как мне кажется, помогает ткани дышать, не теряя при этом форму.

— Лаванда... — задумчиво повторила леди Сент-Джон. — Это весьма разумно. И, должно быть, аромат куда приятнее камфоры, от которой только тяжелеет голова.

Она откусила кусочек бисквита и, чуть прищурившись, добавила:

— А какие духи вы предпочитаете, леди Сандерс?

— Я недавно открыла для себя лавандовую воду с цитрусовыми нотами, — ответила я, стараясь говорить непринуждённо. — Нужно взять сушёную лаванду и настоять её на крепком светлом вине или хорошем бренди в тёмном месте, а после добавить несколько капель масла бергамота. Получается аромат удивительной свежести, не такой приторный, как тяжёлые восточные масла, но он держится на ткани поразительно долго.

Миссис Чамли даже затаила дыхание.

— Какая прелесть! Я непременно велю своей горничной попробовать. Мои парижские духи почти закончились, а новые сейчас не достать, проклятая война делает нас заложницами старых запасов.

— О, если говорить о свежести, — подхватила графиня Эшер, — то я не могу не отметить ваш цвет лица. Чем вы пользуетесь, дорогая? Неужели кентская вода обладает волшебными свойствами?

Я отставила чашку, чувствуя, как внимание всех дам сосредоточилось на мне.

— Это очень просто, — начала я спокойным, уверенным тоном. — Я использую настой розмарина. Розмарин пробуждает жизнь в коже, заставляет кровь бежать быстрее. Нужно лишь заварить свежие веточки с вечера и дать им настояться, а затем выставить кувшин на ночной воздух или спустить в самый холодный угол погреба. Разумеется, чем ближе вода будет к ледяному состоянию, тем заметнее станет результат. Если протирать лицо таким настоем по утрам, кожа оживает сама по себе, и никакие румяна не требуются.

— Ледяная вода? — миссис Чамли в недоумении приподняла брови. — Разве это не опасно? Мой аптекарь утверждает, что лицо должно быть в тепле.

— Напротив, — мягко возразила я. — Холод делает кожу упругой, как будто вы только что вернулись с долгой прогулки на свежем воздухе. Главное — не тереть лицо слишком сильно, а лишь касаться его смоченным лоскутом тонкого

льна.

Леди Сент-Джон одобрительно кивнула. Практичность моего совета явно пришлась ей по душе.

— А от примет времени есть ли какое-нибудь средство?
— спросила она чуть тише.

— Есть старый способ очищения, — продолжала я. — Нужно взять мелко смолотую овсяную муку и смешать её со свежими сливками до состояния густой пасты. Если осторожно втирать такую смесь в кожу, а затем смыть тёплой водой, овсянка заберёт с собой всю пыль и усталость, а сливкипитают и смягчат лицо. Делать это нужно не чаще раза в неделю.

Дамы переглянулись, и я увидела в их глазах не просто любопытство, а искреннее уважение. Для них я теперь была не «несчастной жертвой обстоятельств», а женщиной, владеющей секретами, которые не купишь ни у одного парижского лавочника.

— А в кулинарных искусствах, леди Сандерс, вы столь же сведущи? — спросила леди Уилкс, грациозно наполняя свою чашку во второй раз.

— Немного, — ответила я с легкой улыбкой. — В Кенте я часто заглядывала на кухню, когда была совсем маленькой. Наша старая кухарка была привязана ко мне и со временем доверила несколько фамильных рецептов.

— О, молю вас, расскажите! — воскликнула миссис Чамли, даже подавшись вперед. — Мой повар совсем заскучал,

готовит одно и то же изо дня в день.

Я на мгновение задумалась, словно выбирая из множества вариантов самый достойный.

— Есть один десерт, который я особенно ценю. Мы называем его «Кентским лимонным кремом», — произнесла я негромко, доверительным тоном хранительницы фамильной тайны. — Нужны самые свежие лимоны, их сок смешивают с яичными желтками, сахаром и небольшим количеством отборного сливочного масла.

Я сделала паузу, дожидаясь, пока дамы внимательнее вслушаются в рецепт.

— Секрет в том, что смесь нельзя ставить на открытый огонь. Её нужно томить на водяной бане, постоянно помешивая деревянной ложкой. Главное терпение: массе нельзя давать закипеть, иначе желтки свернутся. Но когда она густеет, становясь гладкой и нежной, её переливают в чашку и охлаждают. Получается десерт с тончайшим ароматом лимонной цедры. Его можно подавать к чаю в маленьких вазочках или наполнять им легкие пирожные.

— Боже мой, какая изысканность! — выдохнула миссис Чамли, и в её глазах уже читалось распоряжение повару. — Совсем без муки? Это должно быть невероятно легко!

— Звучит по-французски, — заметила графиня Эшер. — В этом чувствуется истинный вкус.

— Возможно, когда-то корни рецепта и были французскими, — согласилась я, — но в Кенте он прижился так давно,

что стал своим.

Леди Сент-Джон медленно отставила чашку, и выражение её лица внезапно переменялось. Она обменялась короткими, многозначительными взглядами с остальными дамами, и я почувствовала, как уютная атмосфера в гостиной мгновенно переменялась. Наступил момент, ради которого мы все здесь собрались.

— Леди Сандерс, — начала она осторожным, почти торжественным тоном, слегка наклоняясь ко мне. — Леди Бентли уже поведала нам вашу печальную историю. Я понимаю, как невыносимо тяжело касаться подобных тем... Но знайте: мы считаем, что вы поступили как истинная леди, и женщина безупречных правил, покинув кров, где воцарился такой... — она на секунду запнулась, и её губы брезгливо дрогнули, — такой невыносимый грех.

Я тотчас почувствовала на себе тяжесть всеобщего внимания, но не вздрогнула и не отвела глаз. Просто замерла, глядя в свою чашку, где на дне ещё дрожали остатки чая. Я молчала. Не плакала, не искала оправданий — я позволила тишине работать на меня. В этой паузе, повисшей над чайным столиком, было всё: и оскорблённое достоинство, и тихая скорбь, и та непреклонность, которую свет уважает куда больше, чем самые громкие жалобы.

— Господи, что вы, должно быть, пережили! — миссис Чамли сокрушенно покачала головой, прижав ладонь к груди, отчего её жемчуга негромко звякнули. — Я бы не смог-

ла... Просто не смогла бы дышать с ним одним воздухом. Жить под одной крышей с человеком, который так осквернил свою семью...

Графиня Эшер прикрыла глаза, и в её глубоком вздохе читалось искреннее негодование.

— Мой покойный супруг всегда говорил: мужчины бывают слабы перед искушениями, — она понизила голос до доверительного, почти драматического шёпота. — Завёл бы он любовницу — ну что ж, таков наш мир, мы умеем закрывать на это глаза ради мира в семье. Но родная сестра жены? Это не просто грех, это мерзость перед Богом и людьми!

Леди Сент-Джон выпрямилась, и в её осанке появилось нечто карающее, а стук её чашки о блюдце прозвучал как приговор.

— Я сразу рассказала обо всем мужу. Сэр Артур был в полной ярости. Он непременно поддержит ваш акт в Парламенте, леди Сандерс. Мы обсуждали это вчера за ужином. Такие дела нельзя оставлять безнаказанными, ведь это угроза самим устоям нашего общества.

— Мой супруг тоже не останется в стороне, — горячо добавила миссис Чамли. — Он прямо сказал: будь это актриса, или какая-нибудь танцовщица, это было бы предосудительно, но объяснимо. Но сестра! Это же противоестественно!

Я медленно подняла голову, сохраняя лицо спокойным, но позволяя дамам прочесть в моих глазах затаённую боль.

— Благодарю вас, — произнесла я. — Ваша поддержка...

это значит для меня больше, чем я могу выразить. Это действительно было нелегко, но я не могла поступить иначе. Остаться там означало бы разделить этот позор.

Леди Уилкс, сидевшая ближе всех, протянула руку и крепко сжала мою ладонь.

— Вы поступили как истинная леди, дорогая моя. И Лондон это оценит, поверьте мне.

Внутри меня в этот момент всё ликовало. Колин проиграл, даже не успев начать сражение. Мужчины этого города могли бы простить ему любые интрижки на стороне, долги или незаконнорождённых детей, но их жёны — истинные хранительницы порогов — никогда не простят инцестуозный скандал. Теперь мой путь через Парламент был расчищен их руками.

Напряжение постепенно начало спадать. Разговор плавно перетёк в более привычное русло: сплетни о последних скачках, обсуждение бала у герцогини Девонширской и свежие слухи о том, что принц Уэльский снова погряз в немислимых долгах. Я слушала, изредка кивала и вставляла короткие, взвешенные реплики, стараясь более не выделяться, позволяя дамам чувствовать себя моими защитницами.

Наконец, когда часы на каминной полке пробили половину шестого, я сочла момент для ухода идеальным.

— Благодарю вас за гостеприимство, леди Уилкс, — я поднялась, и дамы ответили мне благосклонными кивками. — Но мне пора.

Хозяйка тут же встала, выражая готовность проводить меня лично. Мы вышли из уютного тепла гостиной в прохладный холл. У самых дверей она на мгновение задержала мою руку и заговорила шепотом, в котором деловитость мешалась с заговорщицким азартом:

— Я лично прослежу, чтобы дом на Кинг-стрит был готов к вашему визиту, Катрин. Мебель, серебро, бельё — я велю всё проверить. Вы сможете въехать уже послезавтра.

Я ответила ей легким, исполненным признательности поклоном.

— Вы проявляете необыкновенную доброту к человеку, оказавшемуся в столь непростом положении.

— Мы должны поддерживать друг друга, — многозначительно улыбнулась она. — Особенно когда речь идёт о чести леди... и о служении Англии. Это наш общий долг.

Я попрощалась и вышла на ступени. Воздух Лондона стал заметно холоднее, а туман гуще. Дик стоял у кэба, придерживая дверцу. Я забралась в пахнущую кожей глубину экипажа, и мы тронулись, оставляя позади чопорную роскошь Харли-стрит.

Когда мы вернулись в Блумсбери, город уже погрузился в густые синие сумерки. Уличные фонарики только начинали свой обход, и дом встретил меня мягким светом свечей в окнах.

Едва я переступила порог, как из кухни выбежала Мэри. Её чепец слегка сбился набок, она замерла передо мной, не

сводя с меня глаз.

— Госпожа! Ну как всё прошло?

— Более чем успешно, Мэри, — я стянула шаль, чувствуя, как домашнее тепло обволакивает плечи. — Собирай вещи. Через два дня мы переезжаем в Сент-Джеймс, на Кинг-стрит.

Горничная ахнула, всплеснув руками.

— О, госпожа! Неужели правда? В такой район!

— Да, Мэри, — я довольно улыбнулась, глядя на её сияющее лицо. — А теперь давай поужинаем. День выдался таким долгим, что, кажется, я не ела целую вечность.

Она радостно кивнула и поспешила на кухню, а я прошла в гостиную и обессиленно опустилась в кресло. В камине потрескивали угли, отдавая комнате последнее тепло, и я на мгновение прикрыла глаза. Усталость навалилась тяжёлым грузом, но это была та редкая, согревающая усталость, которая приходит вслед за большой победой.

Через двадцать минут Мэри пригласила меня к столу. Она явно старалась угодить: на тарелке дымилась жареная курица, чья золотистая кожица была густо посыпана сушеным тимьяном и шалфеем. Рядом лежали ломти свежего хлеба, ещё хранившего тепло печи, и запеченные в меду пастернак и морковь. На десерт Мэри подала яблочный пирог, от которого исходил густой аромат корицы.

Я ужинала в одиночестве, наслаждаясь тишиной и вкусом простой домашней еды. Из глубины дома доносилось при-

глушенное бормотание — Мэри что-то оживленно пересказывала Дику, и его редкое, басовитое ворчание в ответ лишь подчеркивало её неумемную энергию. Эти звуки жизни за стеной не мешали, а напротив создавали ощущение безопасности.

Когда с ужином было покончено, я поняла, что у меня нет сил даже на то, чтобы развернуть свежую газету. Поднявшись к себе, я будто в полусне скинула легкое муслиновое платье и оставила его на стуле, зная, что утром заботливые руки Мэри приведут его в порядок. На смену шелестящей ткани пришла мягкая прохлада ночной сорочки.

Комната была наполнена зыбкими тенями. Я задула свечу, наблюдая, как тонкая струйка дыма тает в темноте, и едва голова коснулась подушки, как реальность окончательно отступила. Сон накрыл меня плотной, тёплой волной, унося прочь все тревоги этого бесконечного дня.

Глава 6

Стук в дверь был не просто громким, он был бесцеремонным. Я вздрогнула, вырываясь из вязкого утреннего сна, и несколько секунд просто лежала, глядя в потолок. В комнате было уже совсем светло; солнце, поднявшееся над крышами Блумсбери, высвечивало каждую пылинку в воздухе и окрашивало обои в теплый, золотистый цвет.

Когда удары повторились, заставив дребезжать оконные стекла, внизу началось движение. Тяжелые, размеренные шаги Дика гулко отозвались в пустоте коридора. Я накинула халат, торопливо затягивая пояс, и вышла на лестничную площадку. Холодный воздух прихожей мгновенно выветрил остатки сна. Внизу лязгнул засов, и дверь распахнулась, впуская в дом резкий запах уличной гари и утренней сырости.

На пороге стоял Финч.

Он выглядел так, будто прошел пешком через пол-Лондона или вовсе не ложился. Галстук сбился в сторону, измятый сюртук висел мешком, а лицо казалось серым под слоем дорожной пыли. Дик, оценив состояние гостя, молча отступил, позволяя ему войти. Финч поднял голову, и наши взгляды встретились.

— Леди Сандерс! — голос его был сильным, надтреснутым. — Простите, что так рано, но дело не терпит отлага-

тельствва!

Я осталась на верхней ступени, сжимая перила. Мне следовало бы вернуться в спальню и привести себя в порядок, прежде чем предстать перед мужчиной, но вид взмыленного адвоката заставил забыть о приличиях.

— Говорите, Финч.

Он похлопал себя по карману сюртука, где глухо звякнули ключи, и крепче прижал к груди папку, перевязанную красной тесьмой.

— Пивоварня, — выдохнул он. — Всё подписано. Бейтс прислал бумаги, едва солнце коснулось крыш. Здание перешло в наше полное распоряжение.

Я почувствовала укол торжества, но он тут же сменился тревогой. Финч не выглядел как человек, принесший добрую весть, он переминался с ноги на ногу, избегая моего взгляда.

— Но? — я прищурилась.

— Интендантство не желает ждать, — он понизил голос, словно Бейтс мог подслушивать за дверью. — Они уже отравили первый обоз. Две туши говядины и телегу с овощами. Всё это будет у ворот пивоварни сегодня к полудню.

— Сегодня?

— Да.

— К полудню.

— Да, леди Сандерс.

— Этот человек либо опасно глуп, либо ведет свою игру, — процедила я сквозь зубы. — Он хочет, чтобы мясо испор-

тилось, а потом он пришёл к адмиралу Грею и сказал: «Видите? Я же говорил, что женщина не способна вести такое дело».

Финч побледнел ещё сильнее, если это вообще было возможно.

— Леди Сандерс, я не думаю, что сэр Уильям...

— Не думайте, Финч, — оборвала я его, разворачиваясь в сторону комнаты. — Дорс, готовьте кэб, немедленно. Мы едем в Саутуорк.

Я поспешила обратно в спальню, на ходу скидывая халат. Из сундука на свет появилось темно-серое платье из плотного калико. Ночная сорочка полетела на кровать следом за халатом, и на мгновение жесткая, не успевшая согреться ткань платья обожгла кожу холодом, заставляя окончательно проснуться. Волосы я скрутила в жесткий жгут, безжалостно втыкая шпильки; мне было плевать, как я выгляжу, лишь бы пряди не лезли в лицо.

Когда я спустилась, Финч всё так же стоял в прихожей, вцепившись в свою папку и едва не подпрыгивая от нетерпения. Мэри уже хлопотала рядом: она успела поставить на столик чашку с горячим чаем, а когда я подошла, сунула мне в руку небольшой сверток, обернутый в чистую салфетку.

— Возьмите, госпожа. Здесь пирог с вечера остался.

Я кивнула, благодарная ей за заботу. Перехватила чашку, сделала жадный глоток, обжигающая жидкость прокатилась по горлу, но голова мгновенно прояснилась. Пирог я сунула

в карман платья и, не теряя больше ни секунды, шагнула к выходу.

Дик уже стоял у кэба, придерживая дверцу. Я забралась в душный полумрак экипажа, Финч неловко втиснулся следом и устроился напротив. Резкий стук захлопнувшейся двери разом отсек нас от утреннего затишья улицы. Экипаж вздрогнул, колеса с грохотом ударили по булыжной мостовой, и мы набрали ход.

Лондон уже не спал. Тихие кварталы Блумсбери быстро остались позади, сменившись деловитым, грубым гулом проснувшегося гиганта. Город не раскачивался — он бурлил, подхватывая наш кэб и неся его в общем потоке. За окнами мелькали телеги зеленщиков и тяжелые фургоны, груженные углем; грохот копыт по камням сливался в единый монотонный шум, не дающий сосредоточиться на мыслях.

Воздух, врывавшийся в приоткрытое окно, постепенно становился плотным и тяжелым. К привычному дыму печных труб примешивалась едкая вонь сточных канав и железный, острый запах мясных лавок. Саутуорк приветствовал нас своим особым духом: тяжелой смесью перебродившего сула, дубленой кожи и сырого речного тумана.

Спустя некоторое время грохот колёс по мостовой стал ещё резче, кэб несколько раз подпрыгнул на разбитой дороге, заставляя нас с Финчем хвататься за поручни. Наконец, экипаж начал замедлять ход, пока окончательно не замер у обочины.

Я выглянула в окно.

Перед нами высились массивные деревянные ворота. Дерево давно почернело от влаги, краска облупилась, а ржавые петли выглядели так, словно держались на одном лишь честном слове. Над створками криво висела вывеска с едва различимыми буквами: «Harwell & Sons. Брюэрс».

— Это бывшая пивоварня Харвелла, — подал голос Финч, поправляя съехавший набок галстук. — Интендантство выкупило её у вдовы.

— Посмотрим, что нам досталось в наследство, — ответила я и толкнула дверцу.

Первое, что я увидела, была толпа. У ворот стояло человек пятнадцать — хмурые, небритые мужчины в засаленных куртках и кепках, которые давно потеряли форму. Они переминались с ноги на ногу, кто-то пускал дым из короткой глиняной трубки, кто-то лениво сплёвывал под ноги. При моём появлении разговор оборвался разом. В этой внезапной тишине я кожей почувствовала их тяжёлый, недоверчивый взгляд, с той самой долей мужской насмешки, которую я ожидала встретить.

Финч выбрался следом, суетливо оправляя сюртук и пытаясь придать лицу серьёзное выражение.

— Это рабочие пивоварни, леди Сандерс, — шепнул он мне на ухо, стараясь не привлечь лишнего внимания. — Нам повезло, что они остались при деле.

Я едва заметно кивнула, продолжая рассматривать муж-

чин. В их хмуром молчании была своя правда: они знали это здание и эти котлы, а я для них была лишь досадным недо-разумением в женском платье. Что ж, притирка — это роскошь, которой у нас не было. Им придётся подчиниться, и лучше бы им понять это до того, как прибудет мясо.

Я уже собиралась подойти к рабочим, но в этот момент массивные ворота соседнего участка распахнулись с протяж-ным, неприятным скрипом. И на улице возник человек, чью необъятную фигуру было невозможно не узнать.

Таббс.

Он стоял у ворот своей пивоварни и разглядывал суету у соседних ворот. Маленькие глазки, затерянные в складках щек, цепко фиксировали каждое наше движение. По тому, как он замер, я поняла: он уже прикидывает, сколько прибы-ли или убытков сулит ему это соседство.

— Эй! — гаркнул он, и его высокий, почти писклявый голос неприятно резанул слух.

Он двинулся к нам, тяжело переваливаясь с ноги на но-гу. В каждом его жесте чувствовалась уверенность человека, который привык считать этот квартал своей собственностью.

— Что за шум у ворот Харвелла? Кто вы такие?

Я обернулась медленно, заставляя его ждать. Внутри всё невольно сжалось, я слишком хорошо помнила нашу про-шлую встречу. Тогда я была парнишкой в мужском сюртуке, с лицом, перепачканным угольной пылью, и чужим, лома-ным говором. И сейчас передо мной стоял человек, которого

я обвела вокруг пальца, но он об этом пока не подозревал.

По праву своего положения я могла бы вовсе не удостоить его ответом — его тон был на грани допустимого, а само присутствие здесь излишним. Но Саутуорк не Блумсбери; здесь глупо начинать дело с открытой вражды с соседом, каким бы неприятным он ни был. Лучше сразу обозначить границы, не опускаясь до перепалки.

— Леди Сандерс, — ответила я так сухо, что мой голос, казалось, мог резать стекло. — Это здание выкуплено Интендантством. Мы здесь по распоряжению Адмиралтейства.

Таббс остановился в двух шагах. Я почувствовала тяжелый запах застоявшегося сусла и дешевого табака. Он прищурился, и его взгляд, бесцеремонный и липкий, прошелся по моему лицу, задержался на руках, а затем снова вернулся к глазам. Он явно пытался понять, что дама делает в подобном месте.

— Интендантство? — он причмокнул пухлыми губами. — Здесь? В Саутуорке? Да ещё в старой развалюхе Харвелла? И что, позвольте полюбопытствовать, намерено делать высокое Интендантство Его Величества в этой дыре?

— Сушить мясо и овощи для флота, — ответила я, выдерживая его взгляд.

Таббс помолчал, обдумывая ответ. На его лице медленно расплылась ухмылка, обнажив неровные, потемневшие зубы.

— Соседи, значит. Что ж, добро пожаловать в Саутуорк.

Только имейте в виду: если от вашего заведения пойдет дурной запах и испортит мне партию портера, я этого так не оставлю. Мои заказчики привыкли к качественному товару, а не к вони тухлятины.

— Запаха не будет, — отрезала я.

Таббс хмыкнул, неопределенно качнул головой и, развернувшись, направился обратно к своим воротам. Я смотрела в его широкую, обтянутую жилетом спину, пока тяжелая створка не захлопнулась за ним с глухим ударом.

Он не узнал меня. Напряжение понемногу начало отпустить, но я не позволила себе расслабиться. Повернулась к адвокату и протянула руку.

— Ключи.

Он выудил из глубокого кармана тяжелую связку. Ключи были потертыми, со следами свежего масла, видимо, вдова Харвелла следила, чтобы замки не заедало до самой продажи. Я выбрала самый крупный, вставила в скважину и повернула. Механизм сработал послушно, отозвавшись лишь коротким, сухим щелчком. Створка ворот оказалась тяжелой, но подалась плавно, открывая нам путь во двор.

Внутри царил гулкая, непривычная для производства тишина. Двор был чисто подметен, лишь у стены сиротливо жались пустые бочки, приготовленные к чистке. В центре стояла добротная телега, оставленная так, будто возчик отошел на минуту и вот-вот вернется. Здание пивоварни смотрело на нас закрытыми ставнями, сохраняя внутри дух последних

варок.

Дверь в само здание тоже открылась без боя. В лицо пахнуло густым, тяжелым запахом солода, дрожжей и влажного дерева. Этот дух въедается в стены десятилетиями, и никакое проветривание его не возьмет.

Я шагнула в варочный цех.

В полумраке зала тускло поблескивали бока медных чанов. Они были потемневшими от времени и пара, но еще хранили следы недавней чистки. На длинных дубовых столах лежала лишь тонкая пыль, успевшая осесть на гладкое дерево за дни простоя. Пол, выложенный камнем, был аккуратно выскоблен; в углах стояли ровные стопки пустых лотков для солода и лежали смотанные бухты веревок. Печи в дальнем конце зала казались спящими великанами: заслонки были плотно закрыты, в воздухе еще витал едва уловимый аромат остывшей золы.

Справа обнаружилась дверь в кабинет. Обивка из потертой кожи на ней местами потемнела от частых прикосновений рук. Я заглянула внутрь. На столе лежали стопки счетов, прижатые медным пресс-папье, и чернильница с засохшим пером. Все выглядело так, будто хозяин просто вышел за порог, заперев за собой жизнь этого места.

Я вернулась в зал. Рабочие уже ввалились следом за Диком и Финчем. Они стояли плотной кучкой у входа, не решаясь нарушить тишину, и их настороженные, изучающие взгляды перекрещивались на мне.

Я обернулась к Финчу.

— Который час?

Он суетливо полез во внутренний карман, выудил часы на цепочке и щелкнул крышкой.

— Половина девятого, леди Сандерс.

— Значит, у нас осталось чуть больше трех часов, — произнесла я. Три часа на то, чтобы отмыть цех, запустить печи и встретить обоз. Времени почти не осталось.

Я вышла на середину зала, чувствуя на себе взгляды полутора десятков мужчин. Они не двигались, ожидая, что скажет женщина, так внезапно вклинившаяся в их привычный рабочий уклад.

— В полдень здесь будет обоз, — я старалась говорить спокойно, но так, чтобы голос достигал самых дальних углов цеха. — Две туши говядины и овощи. Это заказ Адмиралтейства. Если мясо начнет портиться до того, как мы его разделаем, интендантство расторгнет контракт. Для вас это значит только одно: пивоварня закрывается, и вы окажетесь на улице без единого шиллинга.

Мужчины переглянулись. Кто-то шумно выдохнул, кто-то поправил кепку, но смешков не последовало. Угроза голода в Саутуорке была весомее любых предрассудков.

— Но если мы справимся, — я понизила тон, и монеты в кошельке Финча в моем кармане тяжело звякнули, — каждый из вас получит сегодня двойную плату. Наличными, как только закончим. Кто не желает подчиняться женщине — во-

рота открыты, я никого не держу. Остальные за работу.

Тишина стала вязкой. Несколько секунд они буравили меня взглядами, взвешивая гордость против звонкой монеты. Наконец, рыжебородый парень, стоявший ближе всех, сплюнул и коротко кивнул. Никто не двинулся к выходу.

— Значит, договорились. — Я указала на троих мужчин. — Ты, ты и ты — подойдите ко мне.

Рыжий, тощий мужик в драной куртке и коренастый со шрамом на всю щеку шагнули вперед. Финч, словно предугадав мой жест, уже лез в свою пухлую папку. Он выудил три листка — копии приказа, которые, видимо, успел сделать еще на рассвете, едва курьер доставил оригиналы. Чернила на них еще казались свежими, но печати Интендантства были перенесены с дотошной четкостью.

— Твоя задача, — я взяла первую копию и протянула её рыжему, — ножовщик на Тулей-стрит. Купишь тридцать ножей для разделки. Бери широкие лезвия, сталь должна быть острой. Покажешь это, скажешь, что для нужд флота, пусть выставляет счет на адрес пивоварни. Бегом.

Парень кивнул и, не тратя времени на слова, сорвался с места. Его тяжелые шаги гулко прогремели по двору.

— Ты, — я повернулась к тощему, отдавая второй листок, — доставишь сюда бочку щелока и бочку уксуса. Ищи мыловара или красильщика, здесь их в каждом переулке полно. Повторяй то же самое: Королевский заказ, счет сюда.

Мужчина спрятал бумагу и выданные монеты в карман и

мгновенно исчез за дверь. Я не опасалась, что они сбегут, прихватив деньги на кэб. Несколько шиллингов на извозчика были сущим пустяком по сравнению с возможностью зацепиться за работу на государственном контракте. В Саутуорке знали: тот, кто ворует у Интендантства, кормит рыб в Темзе, а тот, кто служит ему верно, всегда будет с куском хлеба.

— А у тебя самое важное, — я обратилась к шрамоватому, вручая ему последнюю копию. — Две бочки крупной соли, двадцать фунтов селитры, пять фунтов черного перца и десяток свежих яиц. Соль ищи на причалах. Если торговцы заупрямятся — покажи им бумагу. Если откажут — иди в аптеку, переплати, но достань. Всё на счет Интендантства. Повтори.

Он нахмурился, шевеля губами.

— Соль на причалах, селитра у мясников или в аптеке. Перец, яйца. Счет на Интендантство.

— Правильно. Вот деньги на извозчика. Главное — скорость.

Когда шаги последнего гонца затихли во дворе, я обернулась к оставшимся. Несколько пар глаз угрюмо следили за каждым моим движением, с тем ленивым ожиданием, которое всегда предшествует работе под началом нового человека.

Глава 7

Я медленно обвела взглядом мужчин, задерживаясь на каждом чуть дольше, чем того требовали приличия, затем сделала шаг вперед и объявила:

— Остальные за работу! Кто из вас управлялся с печами?

Из толпы вышел старик. Его лицо, исчерченное глубокими морщинами, казалось высеченным из старого дуба. Он стянул засаленную кепку и скомкал её в огромном, узловатом кулаке.

— Джим Коллинз, миледи. Двадцать лет здесь топлю, ещё при старом хозяине работал.

— Отлично, Коллинз. — Я кивнула ему. — Твоя задача: запустить все печи. Мне нужно, чтобы к полудню здесь было сухо и жарко, как в доброй пекарне. Выгоняй сырость из углов, не жалея угля. Справишься?

— Сделаем, — коротко бросил старик, нахлобучивая кепку. Он развернулся и зашаркал к печам.

— Теперь вода. Котлы на огонь, вёдра на огонь — всё, что держит воду, ставьте греться. Как только закипит, ошпариваем каждый дюйм: столы, чаны, лотки. Мясо грязи не терпит. Если хоть одна туша пойдет пятнами, Интендантство нам выставит счёт. Живо к колодцу!

Они зашевелились медленно и неохотно. Послышалось ворчание, которое всегда сопровождает начало тяжелого и,

по их мнению, бессмысленного труда. Двое потащили вёдра к колодцу, остальные принялись греметь котлами, но в их движениях сквозила ленивая небрежность. Они терли столешницы так, словно боялись их поцарапать, едва касаясь дерева мокрыми тряпками.

Я понимала: если я сейчас просто буду стоять и указывать пальцем, они провозят эту грязь до самого полудня. Для них я была лишь «госпожой» в чистом платье, которая понятия не имеет, как отмывается вековой налет.

Поэтому я решительно закатала рукава до локтей, а в углу нашлась тяжелая щетка с жесткой щетиной и кусок грубого холста.

— Смотрите сюда! — выкрикнула я, перекрывая гул растапливаемых печей.

Подошла к ближайшему столу, набрала в горсть песка из ящика у стены, плеснула воды и с силой прижала щетку к дереву. Я терла так, что заныли плечи, вычищая серую пыль и старые пятна из каждой трещины, пока древесина не начала светлеть.

— Вот так это делается! — я выпрямилась, тяжело дыша и глядя прямо на притихших рабочих. — Берите щетки, ищите тряпки, какие здесь найдете, и приступайте. Каждый стол должен быть белым, как свежий холст! Живо!

Мой пример подействовал лучше любых приказов. Увидев, что женщина не боится испортить руки и знает, как управляться с песком, мужчины словно очнулись. Скепсис в

их глазах сменился деловым интересом. Один из них молча подхватил вторую щетку, другой принялся с остервенением драть соседний стол.

Финч, до этого стоявший у стены бледной тенью, дернулся было ко мне:

— Леди Сандерс, вы же не собираетесь...

— Работать? Собираюсь, Финч, — отрезала я, не глядя на него. — И вы тоже. Или помогайте, или отойдите и не мешайте.

Он открыл рот, поправил свои бумаги и, обреченно вздохнув, начал снимать сюртук.

Вскоре работа в зале приобрела ритм.

Никто не остался в стороне. Я видела, как Финч, оставшись в одной жилетке, неумело, но усердно трет тряпкой решетчатые лотки. Его лицо покраснелось, рукава рубахи прилипли к телу, но он не останавливался, стараясь не отставать от рабочих. Дик и остальные мужчины таскали чаны, обливая кипятком старое дерево столов; зал наполнился скрежетом щеток и тяжелым сопением людей, ведущих бой с многолетней грязью.

Коллинз тем временем затопил печи. Он взялся за дело со знанием опытного истопника: когда дрова только занялись, густой сизый дым вырвался из заслонок и заполнил пространство, заставляя всех нас кашлять и вытирать слезящиеся глаза. Но стоило тяге наладиться, как едкое облако ушло в трубы, и цех начал наполняться сухим, гудящим жа-

ром.

Воздух над печами задрожал. Огонь ревел в топках, обливая старый кирпич, и Коллинз лишь успевал подкидывать поленья, превращая холодный зал в раскаленное нутро кузницы. Пот градом катился по спинам мужчин, лица их пунцовели от жара, но работа не прекращалась ни на секунду.

Котлы с водой закипели один за другим, выбрасывая клубы влажного пара. Мужчины таскали чаны к столам, обливая кипятком старое дерево и решетчатые лотки, на которых когда-то сушили солод. На мгновение зал превратился в туманное облако, где люди двигались как тени, а дерево лотков жадно впитывало горячую воду, отдавая запахи прошлых варок.

Прошел час, за ним другой. Напряжение нарастало с каждой минутой, пока тишину двора не нарушил быстрый топот.

Первым вернулся рыжий. Он буквально влетел в цех, таща на плече тяжелый мешок, из которого доносился металлический лязг.

— Тридцать штук, мэм! — выпалил он, сбрасывая ношу. — Ножовщик едва успевал точить. Сказал, счет подаст к вечеру.

— Хорошо. Выкладывай, только осторожно, не бейте лезвия друг о друга.

Он принялся раскладывать ножи ровными рядами. Широкие, тяжелые с крепкими рукоятями, они тускло блестели в свете, пробивавшемся сквозь высокие окна.

Следом во двор въехала телега тощего. Две пузатые бочки покачивались на досках, и от них исходил резкий, кислый дух, от которого перехватывало дыхание.

— Щелок и уксус! — доложил он, спрыгивая на булыжники. — У мыловара всё забрал, еле уговорил счет выписать.

— Разгружайте! Тащите внутрь, прямо к чанам! — командовала я.

Шрамоватый появился последним, когда солнце уже стояло высоко. Его телега осела под тяжестью мешков, а кони были в мыле.

— Всё здесь, — он вытер лоб засаленным рукавом. — Соль, селитра, перец. И яйца в корзине, целехоньки. Мясник на мосту даже глазом не моргнул, услышав про Интендантство.

Я подошла к мешкам, вспорота один ножом. Крупная белая соль рассыпалась по ладони холодными кристаллами. В бочонке обнаружилась селитра — серый, тяжелый порошок. Перец в холщовом мешке обдал резким ароматом, а яйца аккуратно покоились в гнездах из сухой соломы.

— Несите к печам, чтобы соль не набрала влаги, — распорядилась я, переводя взгляд на бочку со щелоком.

Я сама взялась разводить его в большом деревянном ведре. Едкий, мыльный запах ударил в нос, заставляя отвернуться и зажмуриться, но я продолжала мешать жидкость длинной палкой, пока она не стала маслянисто-белой.

— Теперь моем полы! — мой голос эхом разнесся под сво-

дами. — Щёлок не жалеем, льём щедро! Нужно вытравить всё до самого камня!

Мужчины взялись за работу с новой силой. Они драили полы яростно, с каким-то остервенением, словно смывали не просто грязь, а грехи всей своей жизни. Вода становилась чёрной почти мгновенно, её выливали во двор, набирали новую. Потом шли с уксусом, протирая столы, чаны, стены — всё, к чему могло прикоснуться мясо.

К одиннадцати часам утра пивоварню было не узнать. Каменный пол блестел, столы были вычищены до белизны, а лотки стояли стройными рядами у печей, впитывая жар и окончательно просыхая. В воздухе стояла резкая смесь запахов уксуса, щелока и раскаленного кирпича.

Я стояла в центре зала, тяжело дыша и опираясь на край стола. Руки ныли, платье потемнело от пота и брызг воды, но внутри горело холодное торжество. Мы успели.

В этот момент снаружи донесся тяжелый рокот колес и крики возчиков. Я выпрямилась, отбрасывая в сторону мокрую тряпку.

— Они здесь! — крикнула я, размашистым шагом выходя во двор.

Два огромных воза медленно въезжали в ворота, колёса скрипели под тяжестью груза. На первом возу лежали две туши говядины, уже разделанные на четверти, но ещё с костями и толстыми пластами жира, частично накрытые брезентом, из-под которого сочилась кровь, оставляя красные

подтёки на досках. На втором громоздились ящики и мешки — капуста, морковь, лук, — от которых шёл запах земли и свежести.

Возчики спрыгнули с козел, вытирая руки о штаны.

— Для леди Сандерс, — объявил старший из них, здоровенный мужик с бородой лопатой. — От Интендантства Адмиралтейства.

Он сунул мне бумагу, и я быстро пробежала глазами. Печать Адмиралтейства была отчетливой, а размашистая подпись Бейтса выглядела как личный вызов.

— Подождите здесь, — бросила я возчику, забирая бумагу.

Я быстро направилась в кабинет бывшего хозяина. В маленькой комнате пахло пылью и старым табаком. На столе Харвелла стояла массивная каменная чернильница; я заглянула внутрь, на донышке еще блестела темная влага.

Рядом лежало несколько гусиных перьев. Я выбрала то, что выглядело покрепче, и обмакнув перо в остатки чернил, размашисто поставила свою подпись. Дождалась пару секунд, пока чернила впитаются в пористую бумагу, и вышла обратно к воротам.

— Вот, — я вернула бумаги извозчику и оборачиваясь к своим людям, приказала. — Разгружайте. Мясо внутрь, на чистые столы! Несите аккуратно. Не вздумайте ронять или волочить по камням. Овощи пока оставьте здесь во дворе, в тени, ими займемся позже.

Четверо мужчин, натужно кряхтя, подхватили первую четверть. Она была тяжелой, скользкой и еще хранила животное тепло. Я шла следом, придерживая дверь, и следила, чтобы они не задели косяки. В цехе пахло разогретым кирпичом и щелоком, и в этом чистом, жарком воздухе запах свежей крови показался особенно острым.

Когда мясо уложили на выбеленные столешницы, я замерла на секунду, прикидывая объем. Двести килограммов мяса, может, больше, и всё это нужно было превратить в тонкие полоски до того, как в душном жару от печей мясо начнет задыхаться.

Я шагнула к столу, на ходу подкатывая рукава, и выбрала широкий нож с массивной рукоятью. Сталь была холодной и безупречно острой — то, что нужно для быстрой работы. Рабочие тут же обступили стол, глядя на меня с нескрываемым любопытством; в их глазах читалось ожидание, смешанное с тем первым, еще хрупким уважением, которое заслуживает только человек дела.

Положив ладонь на одну из четвертей, я почувствовала, что мясо еще сохранило живое тепло. Оно было упругим под пальцами. Чуть надавила, нащупывая направление волокон, и примерила лезвие для первого надреза.

— Смотрите внимательно. Ведем лезвие только вдоль волокон. Нам нужны ровные полосы, а не лохмотья.

Одним уверенным движением я отделила длинную ленту говядины — чистую, без единой зазубрины. Перевернула её

и короткими, точными взмахами срезала пласт жира. Белый скользкий кусок отлетел в сторону.

— Режем полосками не толще полудюйма, — я показала заготовку, удерживая её за край. — Весь жир убираем дочиста. Он прогоркнет в печах и испортит мясо. Кости складывайте отдельно. Поняли?

Мужчины молчали, разглядывая разделанный кусок.

— Я спрашиваю: всё ясно?!

— Ясно, мэм, — нестройно отозвались они.

— Тогда за ножи. Времени у нас немного.

Они начали разбирать инструменты. В цехе воцарилась рабочая тишина, нарушаемая лишь сухим перестуком ножей и гулким ревом печей. Я видела, как в глазах мужчин проступает азарт, теперь это была не просто уборка, а настоящая работа. Я резала наравне со всеми, стараясь не отставать. Спина ныла от постоянного наклона, ладони горели, но я работала почти механически, чувствуя, как нож становится продолжением руки.

Когда первая четверть превратилась в гору аккуратных полос, я выпрямилась.

— Тащите чаны! Медные, варочные! Ставьте здесь, в центре.

Двое рабочих подкатили к столам массивный чан, который с тяжелым грохотом отозвался на камнях пола. Пока ведро за ведром чистая вода с плеском лилась в медь, я уже стояла у раскрытого мешка.

Когда чан заполнился на три четверти, я начала зачерпывать соль обеими руками — горсть за горстью, щедро рассыпая её по поверхности. Белые кристаллы с тихим, едва слышимым шипением уходили на дно, растворяясь в прозрачной глубине и превращая воду в крепкий рассол.

— Мешать! — велела я подошедшему мужчине, и тот, подхватив длинное деревянное весло, принялся размеренно ворошить воду, поднимая со дна мутные белые облака нерастворенной соли.

В цехе стало заметно тише; рабочие с нескрываемым любопытством следили за моими странными действиями. Я достала из корзины свежее яйцо и аккуратно разжала пальцы, опуская его в воду. Оно качнулось, описало ленивый круг и камнем ушло на дно. Рассол был еще слишком слаб.

— Продолжай мешать, — скомандовала я, высыпая в чан еще одну щедрую порцию соли и следя за тем, как в водовороте исчезают последние крупинки.

Вторая проверка далась воде с трудом: на этот раз яйцо неохотно приподнялось, зависло в толще воды, но тут же снова утонуло. Я продолжала сыпать соль, пока над мутной, белесой поверхностью наконец не показался округлый бок величиной с шиллинг. Теперь яйцо уверенно покачивалось, словно поплавок.

— Достаточно, — пробормотала я, вытирая руки о фартук и переходя к мешку с селитрой.

Я отмерила несколько горстей серого порошка, отправляя

его вслед за солью. Следом в чан ушел молотый перец, и вода окончательно потемнела, наполнившись едким, пряным ароматом.

— Опускайте мясо! Полоса к полосе, следите, чтобы не слиплись!

Я сама начала погружать длинные ленты говядины в темный тузлук, подавая пример мужчинам. Куски тонули, вытесняя воду к краям чана, а я внимательно следила, чтобы полосы расправлялись и рассол пропитывал каждое волокно.

— Два часа в рассоле, — объявила я, оглядывая зал. — Этого хватит. А мы пока беремся за вторую тушу.

Работа продолжалась без перерыва. Чаны наполнялись один за другим; я не отходила ни на шаг, проверяя каждый рез и поправляя тех, кто работал небрежно и следила, чтобы жир был срезан полностью.

Овощи оставались на потом, они могли подождать, в отличие от мяса.

Когда два часа истекли, я велела вынимать первую партию. Говядина заметно изменилась: полосы стали плотными и тяжелыми, напитавшись солью, и приобрели глубокий багровый оттенок, а густой запах перца теперь перебивал в цеху все остальные ароматы.

— Раскладывайте на лотки! — командовала я, указывая на решетчатые настилы, уже просохшие у жара печей. — В один слой. Между кусками должен гулять воздух, иначе они

слипнутся в один бесполезный комок.

Полосы багрового мяса ложились на дерево ровными рядами, не касаясь друг друга, и вскоре первый штабель был готов.

— В печь! Осторожно, берегите руки!

Коллинз распахнул заслонки, и оттуда мгновенно вырвалась волна густого, сухого тепла. Угли в глубине топки уже подернулись седым пеплом, отдавая ровный и спокойный жар. Лотки один за другим плавно уходили внутрь, занимая свои места на кирпичных полках.

— Заслонки не закрывай полностью! — крикнула я Коллинзу через плечо. — Пар должен выходить наружу, иначе мясо просто сварится, а не высушится!

Старик молча кивнул, точными движениями регулируя тягу так, чтобы горячий воздух постоянно циркулировал внутри.

Работа затянулась до глубоких сумерек. Партия за партией уходила в нагретое нутро печей, и я то и дело подходила к устьям, проверяя температуру по старинке: если ладонь терпела жар в течение трех секунд — значит, всё шло верно. Это было то самое «томление», которое медленно вытягивает влагу, оставляя мясо плотным и сухим, но не позволяя краям поджариться.

Если же рука не выдерживала и мгновения, я подавала знак Коллинзу, и старик тут же прикрывал заслонку поддувала. Лишний воздух отсекался, не давая углям разгораться

слишком жаростно, и печь начинала медленно остывать, пока жар не становился терпимым. При этом верхнюю щель мы всегда оставляли открытой — через неё наружу уходил тяжелый, влажный дух сохнущего мяса.

Когда последний лоток, наконец, скрылся в печи, я почувствовала, как по телу разливается свинцовая тяжесть. Ноги больше не держали, и я медленно опустилась на грубую лавку, чувствуя, как гудит в ушах от долгого напряжения.

Рабочие начали собираться у выхода, но не спешили уходить, выжидающе поглядывая в мою сторону. Я кивнула Финчу, и тот, поняв всё без слов, достал кошелек.

— Как и обещала, — мой голос охрип от жара печей и бесконечных команд. — За сегодня двойная плата каждому. Финч, рассчитайся с людьми.

Пока адвокат отсчитывал монеты, я указала на тяжелые чаны, где громоздились кости и срезанный жир.

— Это тоже забирайте, — я обвела рукой мясные остатки. — Дик, помоги им разделить всё поровну. Кости, жир, обрезки — всё ваше. Нам для сушки это не годится, а вашим семьям дома будет не лишним.

В цеху на мгновение повисла такая тишина, что стало слышно, как уютно трещат угли в глубине печей. Мужчины переглянулись. В каждом куске жира и каждой кости они видели наваристый бульон, жареную картошку на говяжьем жире... сытость для детей. Угрюмые лица дрогнули, а спины невольно выпрямились.

— Благослови вас Бог, миледи, — негромко произнес шрамоватый, первым принимая свою долю.

Они расходились в тишине, но это была другая тишина. Измотанные, они молча поправляли кепки, прощаясь со мной почтительно. В их взглядах больше не осталось и следа от утреннего пренебрежения. Теперь там было только тяжелое мужское признание: эта леди не просто выстояла смену наравне с ними — она знала цену их труду.

Финч, который весь день честно сражался с грязью и сыростью наравне со всеми, подошёл ко мне. Вид у него был такой, будто он только что пережил землетрясение: рукава рубашки были заляпаны серой пеной, а на лбу красовался мазок сажи.

— Леди Сандерс, — начал он осторожно, — вы понимаете, что так каждый день вы не выдержите? Вам необходима помощь. Кто-то образованный, способный вести счета, принимать обозы и, что важнее, держать этих людей в узде.

— Знаю, Финч. Знаю.

Я закрыла глаза, прислонившись затылком к стене. Рабочие подчинились мне сегодня, потому что видели во мне господа и хозяйку кошелька. Но любой нанятый со стороны управляющий-мужчина рано или поздно начнет оспаривать мою волю просто потому, что не привык слушать женщину. Мне нужен был кто-то другой.

Не Мэри, в ней еще слишком много от тихой преданной горничной, и её мягкость рабочие мигом примут за слабость.

В памяти всплыло строгое лицо с тонкими, вечно поджатыми губами. Мисс Эббот. Моя соседка по пансиону. Женщина, в которой образованность сочеталась с железной гордостью, закаленной многолетней нуждой. Она привыкла отстаивать свое достоинство, имея лишь несколько шиллингов в кармане и безупречные манеры. Она именно тот человек, кто не даст рабочим расслабиться и будет вести учет с точностью до последнего фунта соли.

Мысли о надежной опоре прервал настойчивый голод. Рука невольно скользнула в складки платья, где я вдруг нащупала забытую тяжесть. Засунув руку в карман, я вытащила сверток, который Мэри сунула мне еще на рассвете. Салфетка за день засалилась, но стоило мне развернуть ткань, как по залу, перебивая едкий дух соли и дыма, поплыл уютный аромат домашней выпечки.

— Держите, Финч. Дик, подойди, — я аккуратно разломилла пирог на три части. Тесто было плотным и совсем остывшим, но здесь, в цеху, оно казалось настоящим сокровищем.

— О, леди Сандерс... благодарю вас, — пробормотал Финч. Голод окончательно победил остатки его адвокатского достоинства: он принял свою долю и тут же вгрызся в нее, на мгновение забыв о всяких манерах. Дик молча взял свою часть, коротко кивнул и исчез в тени у входа, не сводя глаз с ворот.

Я последовала их примеру. Первый же укус принес почти физическое наслаждение. Пирог был с мясом и пряностями

— простой, сытный, именно то, в чем нуждалось мое измученное тело. Я жевала медленно, глядя, как в полумраке зала мерцают отсветы углей и как над печами дрожит раскаленный воздух.

Первый опыт сушки требовал неотлучного присутствия. Любая ошибка Коллинза с тягой и весь наш дневной труд превратился бы либо в уголья, либо в склизкое, испорченное варево. Старик, казавшийся двужильным, медленно прохаживался вдоль кирпичных сводов, то и дело заглядывая в узкие щели заслонок. Трое рабочих, оставшихся на ночную смену, понуро сидели на корточках в тени, ожидая команды подбросить дров.

Я доела последний кусочек, аккуратно стряхнула крошки с испачканного платья и снова привалилась к холодному кирпичу. Нужно было выждать еще пару часов, прежде чем я смогу доверить эту работу Коллинзу и уехать домой, чтобы окончательно смыть с себя этот бесконечный день.

Глава 8

Я не помню, как уснула. Помню только, что прислонилась виском к холодному кирпичу стены, подтянув колени к груди и обхватив себя руками, потому что в цехе, несмотря на раскалённые печи, по полу тянуло зябкой речной сыростью.

Просыпалась я рывками, от каждого звука. То скрежетнет заслонка, то ухнет в топке просевшее полено, то кто-то из ночных дежурных закашляется в углу, и этот гулкий, простуженный кашель разносится под сводами цеха, как пушечный выстрел. Я вскидывалась, таращилась в полумрак, где багровые отсветы углей плясали на закопчённых стенах, и пока сердце не переставало колотиться, сидела неподвижно, вслушиваясь в дыхание печей.

Финч уехал ещё засветло, бормоча извинения и судорожно натягивая перчатки. Дик же никуда не делся. Он устроился на перевернутом ящике у ворот, и время от времени обходил двор, проверяя засовы. Его тяжёлые шаги то приближались, то удалялись, и в этом мерном ритме было что-то успокаивающее, как в ходе маятника больших часов.

Около полуночи я заставила себя подняться и подойти к печам. Коллинз дремал на табурете, привалившись спиной к кирпичной кладке, но стоило мне ступить на камни, нагретые до того, что жар пробивался сквозь подошвы башмаков, старик распахнул глаза с мгновенной, звериной насторожен-

ностью.

— Всё в порядке, Коллинз, — просипела я, и собственный голос показался мне чужим, севшим от дыма и усталости. — Дайте посмотреть.

Он молча приоткрыл заслонку ближайшей печи. Изнутри дохнуло сухим, пряным жаром, густо настоящим на соли и перце. Я сощурилась, вглядываясь в полумрак топки. На решетчатых лотках лежали потемневшие полосы говядины; они заметно усохли, съёжились, потеряв добрую половину объёма, и приобрели глубокий, красновато-бурый оттенок.

— Хороший жар, ровный, — одобрила я, протянув ладонь к устью. Кожу приятно покалывало, но терпеть можно было без труда, значит, температура не превышала ста пятидесяти по Фаренгейту. — Не подбрасывайте больше. Пусть угли догорают сами.

Коллинз кивнул и снова прикрыл заслонку, оставив наверху узкую щель для выхода влажного пара.

Я вернулась на свою лавку. Прикрыла глаза, но сон больше не шёл. В голове тяжело ворочались мысли, цепляясь одна за другую: сколько партий мы сможем выпускать в неделю, где брать дрова в таких количествах, не дешевле ли перейти на уголь, и выдержат ли старые печи Харвелла непрерывную работу...

Около двух часов ночи я снова поднялась. Печи гудели тише, ровнее; угли в топках подёрнулись толстым слоем белёсого пепла, отдавая последнее тепло. Я обошла все шесть

устий, заглядывая в каждое, ощупывая лотки через щели. Мясо продолжало сохнуть, и воздух над решётками был уже не влажным, а сухим, почти колючим от соли.

К четырём часам утра, когда за высокими окнами цеха едва-едва начала проступать мутная, грязно-серая полоса расвета, я приняла решение.

— Достаточно, — объявила я, выпрямляясь и расправляя затёкшие плечи. — Заслонки откройте полностью. Пусть мясо остывает в печах вместе с кирпичом, так оно досохнет само, не пригорая.

Коллинз исполнил молча, одну за другой распахивая тяжёлые чугунные дверцы. Из глубины топок повалил густой, терпкий дух, пропитанный дымком; он заполнил весь цех и выплеснулся во двор, смешиваясь с предрасветной сыростью.

Трое ночных дежурных уже стояли у выхода, переминаясь с ноги на ногу. В тусклом свете их лица казались серыми от усталости и копоти, но в глазах я прочла не раздражение, а то упрямое, молчаливое терпение, которое отличает людей, привыкших к тяжёлому ремеслу.

— Все свободны до полудня, — произнесла я. — Отсыпайтесь. К двенадцати жду здесь каждого. Сегодня возьмёмся за овощи.

Они разошлись быстро, растворившись в предутренних сумерках Саутуорка. Я проводила взглядом последнюю сгорбленную спину, исчезающую за поворотом, и оберну-

лась к Дику. Тот уже запирает ворота, продевая тяжёлый засов сквозь кованые скобы. Замок лязгнул, и пивоварня Харвелла затихла, оставленная на попечение догорающих углей и густого, пряного полумрака.

— Едем, — сказала я, чувствуя, что ноги слушаются меня лишь из последних сил.

Кэб ждал у ворот. Извозчик дремал на козлах, натянув на уши воротник сюртука. При нашем появлении он встрепенулся, зыркнул заспанными глазами на мою фигуру в заляпанном платье и, ни слова не сказав, щёлкнул вожжами.

Экипаж тронулся, и я откинулась на спинку сиденья, ощущая каждой косточкой эту блаженную неподвижность. Копыта выбивали по булыжникам ленивую, убаюкивающую дробь. Саутуорк за окном ещё спал: закрытые ставни, пустые мостовые, лишь изредка мелькнёт тощая фигура ночного сторожа с фонарём или прощмыгнёт бродячая собака, обнюхивая кучи мусора у водостоков.

Я прикрыла глаза, но вместо сна в голову полезли неотвязные, цепкие мысли, как саутуоркские крысы. Производство нужно было ставить на поток. Одна партия мяса, какой бы удачной она ни вышла, ничего не решала. Бейтсу требуется регулярные поставки, десятки пудов сушёной говядины и овощей каждую неделю, а у меня пока нет ни графика, ни учёта, ни даже порядочных термометров, чтобы не тыкать ладонью в раскалённые печи, как средневековая знахарка.

Мысли скользнули по знакомой колее, и я с горькой

усмешкой подумала, что однажды уже проходила всё это. Обычно я запрещала себе оглядываться, боясь, что если начну ворошить прошлое, то захлебнусь в тоске по тому, чего больше не существует. Но сейчас воспоминание поднялось из глубины само, без усилия, пробивая выставленные мной заслоны, будто кто-то сорвал резьбу на кране. И прошлая жизнь хлынула обжигающим, болезненным потоком, но почему-то странно утешительным.

Мне было двадцать, когда я впервые ступила на немецкую землю. Третий курс технологического, программа обмена, четыре месяца в Мюнхене: лекции по биохимии брожения, лабораторные работы в учебной пивоварне при университете и бесконечные дегустации, на которых нас учили различать двадцать шесть оттенков солодового привкуса. Я возвращалась в квартиру с гудящей головой, исписывала тетради формулами и засыпала, утыкаясь носом в учебник Кунце по технологии пивоварения.

После диплома я уехала туда снова, уже на практику. Два года на баварском заводе, где всё было отлажено с немецкой одержимостью порядком: каждый клапан пронумерован, каждая температурная кривая выверена до десятых долей градуса, каждый рабочий знал свой манёвр, как солдат на плацу. Я впитывала эту систему жадно, запоминая не только рецептуры и режимы, но и саму философию производства, где нет мелочей, а есть только параметры, которые ты либо контролируешь, либо они контролируют тебя.

Потом я вернулась в Россию. Устроилась технологом на старый пивзавод в Подмоскowie. Пять лет я латала дыры, выбивала из руководства деньги на новое оборудование, воевала с поставщиками, которые норовили подсунуть прогорклый солод, и спорила с главным инженером, убеждённым, что «раньше варили и без твоих немецких фокусов, и ничего, народ пил».

А потом мне предложили возглавить производственный отдел на новой пивоварне. С нуля. Пустое здание, голые стены, ни одного чана, ни одного человека в штате. Только бизнес-план на сорока страницах и инвестор, который каждую неделю звонил узнать, когда же польётся первое пиво.

Господи, сколько я тогда провела переговоров... Поставщики оборудования из Чехии, которые дважды срывали сроки и один раз прислали не те фильтры. Строители, укладывавшие плитку в варочном цехе с такой кривизной, что вода стояла лужами вместо того, чтобы уходить в стоки. Электрики, перепутавшие фазы на щите так, что при первом пуске вышибло автоматы во всём здании. Кадровики, приславшие мне «опытных пивоваров», которые путали верховое брожение с низовым и не знали, чем отличается лагер от эля.

И повсюду, на каждом этапе, одно и то же: недоверчивые взгляды, снисходительные ухмылки, уклончивое «ну, давайте попробуем, раз вы так настаиваете», за которым прятались саботаж и надежда, что баба провалится и на её место поставят нормального мужика. Желаящих обмануть было столь-

ко, что я перестала удивляться и начала проверять каждый счёт, каждую накладную, каждый сертификат качества с параноидальной дотошностью, которая в итоге спасла проект от разорения.

Впрочем, в двадцать первом веке, с юристами, с электронным документооборотом и камерами видеонаблюдения, закулисные игры были куда изошрённее. Здесь, в тысяча восемьсот первом году, всё было грубее, проще, зримее: либо тебе подчиняются, либо плюют в спину и уходят. И в этой грубой простоте была своя честность, к которой я, как ни странно, начинала привыкать.

Кэб дёрнулся, колёса наскочили на выбоину, и я очнулась, осознав, что задремала с открытыми глазами. За окном уже проступали знакомые очертания Блумсбери: кирпичные фасады, бельевые верёвки, протянутые между домами, ранние торговцы молоком.

Экипаж замер у крыльца. Дик спрыгнул с козел и отворил дверцу. Я шагнула на мостовую и пошатнулась; ноги, казалось, были набиты ватой вместо костей. Ступени крыльца дались мне с таким трудом, словно я поднималась на Альпы. Рука нашарила дверную ручку, повернула, и я буквально ввалилась в прихожую.

Мэри выскочила из кухни, вытирая руки о передник, и замерла.

— Госпожа, — выдохнула она, вперившись в меня расширенными глазами.

Я представила, как выгляжу со стороны: платье в потёках засохшей крови и серых разводах сажи, волосы давно выбились из узла и висели слипшимися космами. На подоле платья белела корка высохшего рассола, а от меня, должно быть, несло как от мясной лавки в жаркий день.

— Завтракать будете, госпожа? — пролепетала Мэри.

— Нет, — я покачала головой и, опершись о стену, принялась стаскивать башмаки. — Спать.

Мэри кинулась было помогать, но я лишь отмахнулась. Силы уходили из тела с каждой секундой. Я поднялась на второй этаж, цепляясь за перила, добрела до спальни, не раздеваясь, рухнула на кровать и провалилась в тёмную, беззвучную пустоту...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.